

Вскрытие показало...

Автор:

[Патрисия Корнуэлл](#)

Вскрытие показало...

Патрисия Корнуэлл

Кей Скарпетта #1

Город Ричмонд охвачен ужасом – жертвами маньяка стали уже четыре молодые женщины. Они погибли в невероятных мучениях, а убийца, кажется, издевается над полицией, оставляя подсказки на месте очередного преступления. За дело берется судмедэксперт Кей Скарпетта. В ходе расследования она выдвигает шокирующую версию относительно личности злоумышленника. Права она или нет – покажет время, ведь Кей предстоит столкнуться с убийцей лицом к лицу...

Патрисия Корнуэлл

Вскрытие показало...

Patricia Cornwell

POSTMORTEM

Copyright © 1990 by Patricia Cornwell

© Ю. Фокина, перевод на русский язык, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство Азбука®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru) (<http://www.litres.ru/>)

Посвящается Джо и Дайан

1

Шестого июня, в пятницу, в Ричмонде лил дождь.

Дождь начался на рассвете. Он шел целый день и к вечеру сбил чашечки лилий – торчали только голые стебли; лепестки, еще недавно белые, а теперь потемневшие, устлали тротуар. Улицы превратились в реки, а игровые площадки и газоны – в болота. Я заснула под стук капель по шиферной крыше и увидела прескверный сон. Короткая летняя ночь постепенно уступала место тусклому и туманному утру.

Мне снилось, будто сквозь стекло, иссеченное дождем, на меня уставилось белое лицо – бесформенное, нечеловеческое. Оно походило на лицо самодельной куклы – ну, когда вместо головы – набитый ватой чулок, на котором нарисованы

глаза, нос и все остальное. Дешевые чернила расплылись, и из-за окна смотрело лишь белое пятно, однако выражение этого пятна было вполне определенное: злоба просто сочилась из мутных глаз, а капроновый провал рта таил дьявольскую хитрость.

Я проснулась – за окном царил темнота. Зазвонил телефон, и только тогда я поняла, что меня разбудило. Долго нашаривать трубку не пришлось – аппарат стоял на прикроватной тумбочке.

– Доктор Скарпетта?

– Слушаю. – Я зажгла свет. 2:33.

– Это Пит Марино. У нас труп. Адрес – Беркли-авеню, 5602. Думаю, вам следует приехать. Жертва – Лори Петерсен, белая, тридцати лет. Обнаружена мужем полчаса назад...

Сержант Марино мог бы и не вдаваться в подробности. Я все поняла, едва услышав в трубке его голос. А может быть, даже раньше – когда зазвонил телефон. Люди, верящие в оборотней, боятся полнолуния, я же с некоторых пор стала бояться ночей с пятницы на субботу, точнее, времени с полуночи до трех утра, когда город безмятежно спал.

Как правило, на место преступления вызывают дежурного медэксперта. Но сегодняшнее убийство, несомненно, имело связь с тремя предыдущими. После второго убийства я настоятельно попросила сержанта Марино немедленно – независимо от времени суток – позвонить мне, если снова произойдет нечто подобное. Марино согласился, хоть и без энтузиазма. Дело в том, что два года назад меня назначили главным судмедэкспертом штата Вирджиния, и с тех самых пор Марино стал просто невыносим. Никогда не могла понять: он вообще женоненавистник или только я вызываю у него отрицательные эмоции?

– Беркли – это в южной части города. Вы знаете, как туда проехать? – Марино, по обыкновению, не преминул меня уколоть.

Пришлось признаться, что понятия не имею, и наскоро записать его ценные указания. Я окончательно проснулась – адреналин взбадривает не хуже кофе. Черный саквояж, весьма потертый, я всегда держу под рукой. А в доме стояла

тишина...

На улице было гадко: словно в остывшей сауне. Ни в одном из соседних домов свет не горел. Выезжая за ворота, я поглядывала на фонарь над крыльцом и на окно первого этажа – там, в комнате для гостей, спала моя десятилетняя племянница Люси. Еще один день девочке предстояло провести без меня – а мне без нее. Не далее как в среду Люси передали мне с рук на руки в аэропорту. Она гостила у меня уже два дня, а у нас даже не было времени вместе пообедать.

До самого Парквея навстречу не попало ни одной машины. Я ехала по мосту через реку Джеймс. Далеко впереди светились красные огоньки фар, в зеркале заднего вида смутно отражались очертания города. Мост словно парил над темнотой, едва разбавленной редкими световыми пятнами. А ведь он где-то рядом, думала я. Он может быть кем угодно. Он, как мы все, передвигается на двух ногах, имеет по пять пальцев на каждой руке и, скорее всего, белый. Наверняка намного моложе меня (мне сорок). Да-да, убийца – самый обыкновенный человек: наверняка у него нет «БМВ», он не ходит по дорогим ресторанам и не одевается в модных бутиках.

А вдруг и ходит, и одевается, и катается на «БМВ»? Этот Мистер Никто мог быть и богатеньким. Вот именно, Мистер Никто. Тип со стандартной внешностью – с таким проедешь в лифте двадцать этажей и не вспомнишь, какого цвета у него волосы.

Мистер Никто держал в страхе весь город, Мистер Никто стал навязчивой идеей, ночным кошмаром для тысяч людей, которые его даже никогда не видели. Он стал моим ночным кошмаром.

Первое убийство произошло два месяца назад – значит, маньяк, возможно, не слишком давно вышел из тюрьмы или выписался из сумасшедшего дома. Эту версию отработывали еще на прошлой неделе; потом ее отмели, как и энное количество предыдущих.

Лично я с самого начала не сомневалась, что преступник в Ричмонде недавно, что раньше он «работал» в других городах и, как говорится, не сидел и не привлекался. Этот тип – не новичок в своем деле, он хладнокровен, собран и, уж конечно, вменяем.

Так, Вилшир – поворот налево на втором перекрестке, а Беркли – сразу за ним, направо.

В двух кварталах от поворота показались синие и красные огни. На улице была полная иллюминация. Завывала сирена «скорой помощи», бесновались проблесковые маячки двух полицейских фургонов, да еще три белые патрульные машины светили фарами. Только что прибыла съемочная группа «Двенадцатого канала». Из окон выглядывали полуодетые граждане, желая узнать, из-за чего такой переполох.

Я припарковалась за репортерской машиной. Оператор уже суетился на улице. Низко наклонив голову, пряча лицо за воротником своего оливкового плаща, я почти побежала к крыльцу по мощенной кирпичом дорожке. Ненавижу, когда меня показывают в вечерних новостях. С тех пор, как в Ричмонде начались зверские убийства, репортеры доставали меня дурацкими вопросами: «Доктор Скарпетта, если это маньяк, можем ли мы ожидать новых жертв?» – будто они с нетерпением ожидали этих самых жертв. «А правда ли, что на шее последней жертвы вы обнаружили следы укусов?» – неправда, конечно, но им-то что за дело? Скажешь «без комментариев» – и репортеры тут же напишут, что укусы были. Ответишь «неправда» – и в следующем номере появится дивная фраза: «Доктор Кей Скарпетта отрицает, что на телах жертв были обнаружены следы укусов». Маньяк тоже читает газеты – почему бы и нет, раз они подкидывают свежие идейки?

Последние выпуски новостей отличались шокирующими подробностями, числом далеко превосходящими минимум, необходимый, чтобы предупредить людей. Женщины, особенно одинокие, потеряли покой. Через неделю после третьего убийства объемы продаж револьверов и засовов выросли вдвое, а из приютов для бездомных животных разобрали всех собак – о чем газеты не преминули сообщить на первых полосах. Не далее как вчера Эбби Тернбулл, корреспондент криминальных новостей, завоевавшая все возможные призы за профессиональную деятельность и пользующаяся дурной славой, в очередной раз продемонстрировала собственное нахальство – ворвалась ко мне в офис и предприняла безуспешную попытку получить копии отчетов о вскрытии, оправдывая свои действия законом о свободе информации.

У нас в Ричмонде корреспонденты криминальных новостей всегда отличались беспардонностью. По данным ФБР, в прошлом году наш добрый старый город занял второе место в Штатах по количеству убийств на душу населения

(которое, между прочим, составляет двести двадцать тысяч человек). Бывало, судмедэксперты из Британского Содружества по месяцу торчали у меня в лаборатории, практикуясь в определении видов пулевых ранений, а амбициозные копы, вроде Пита Марино, переезжали к нам из Нью-Йорка или Чикаго только для того, чтобы убедиться: по сравнению с Ричмондом эти криминогенные центры – просто богадельни.

Но такого не видел даже наш милый городок. Среднестатистический гражданин мог не иметь отношения к убийствам, совершаемым «под кайфом», или к так называемой «бытовухе»; он мог не посещать заведения, где за один косой взгляд человек рискует получить бутылкой по голове – и считать себя застрахованным. Но ведь три убитые женщины ничего подобного и не делали! Они мирно спали в собственных постелях и были повинны лишь в том, что не закрыли на ночь окна. «А если и со мной случится то же самое, что с моей приятельницей, коллегой, соседкой?..» – вот что думала добропорядочная налогоплательщица, и ее охватывал ужас. Еще вчера чья-то дочь, сестра, возлюбленная ходила по магазинам, пила коктейль на вечеринке, после работы стояла в очереди в супермаркете. А сегодня ночью Мистер Никто забрался в ее спальню через окно...

У распахнутой двери дежурили двое ребят в форме. Проем перекрывала желтая лента с надписью: «Место преступления. Вход воспрещен».

Совсем юный офицер полиции почтительно приподнял ленту, пропуская меня в дом. Мне пришлось согнуться в три погибели.

Гостиная, оформленная в теплых розовых тонах, отличалась идеальной чистотой и безупречным вкусом. Изящная стенка из вишневого дерева, на ней небольшой телевизор, скрипка, ноты. У окна, выходящего на лужайку перед домом, – диван, на столике со стеклянной столешницей – аккуратная стопка журналов, в том числе «Сайентифик америкэн» и «Нью Ингланд джорнэл оф медисин». На китайском коврике бежевого цвета с изображением дракона – ореховый книжный шкаф. Учебники по медицине занимали целых две полки.

Гостиная оказалась проходной. Вторая дверь вела в коридор, по правой стороне которого располагалось несколько жилых комнат, а по левой – кухня: именно там юный офицер и Марино допрашивали сейчас молодого человека – по всей видимости, мужа убитой.

Я невольно отметила про себя, что на столешнице не было заметно ни единого пятнышка, что электрический чайник и микроволновка оттенка «цветущий миндаль» (так его называют в каталогах) явно подбирались в тон линолеуму, тоже очень чистому, что бледно-желтые занавески гармонируют с бледно-желтыми же обоями. Но прежде всего мое внимание привлек стол: на нем лежал выпотрошенный полицией красный нейлоновый рюкзак. Содержимое валялось тут же: стетоскоп, фонарик-авторучка, пластиковая коробочка, в которой погибшая, вероятно, носила завтрак, и последние номера журналов «Энналс оф седжэри», «Лансет» и «Джорнэл оф траум». Эти-то вещи несчастной добились меня окончательно.

Марино сначала неприязненно взглянул в мою сторону и лишь потом представил Мэтту Петерсену, мужу убитой. Петерсен скрючился в кресле и, казалось, был безутешен в своем отчаянии. Не каждый день встретишь такого красавца – стройный, худощавый, широкоплечий брюнет, кожа гладкая, загорелая, лицо безупречно тонкое, почти порочное в своей прелести. На Петерсене были белая рубашка поло и бледно-голубые джинсы, но эта простая одежда только лишней раз подчеркивала, насколько он хорош собой. Петерсен уставился в пол, сцепив пальцы на коленях.

– Это все принадлежит убитой? – Вопрос был отнюдь не праздный – вдруг это муж занимался медициной?

Марино кивнул.

Петерсен медленно поднял глаза – они оказались синими. Видно было, что он недавно плакал. Кажется, до него только теперь дошло: приехала доктор. В глазах промелькнуло нечто похожее на облегчение, даже на надежду – доктор все объяснит, доктор скажет, что Лори почти не мучилась.

Явно плохо соображая, Петерсен забормотал:

– Я ей вчера вечером звонил. Она сказала, что будет дома где-то к половине первого. Что у нее дежурство в больнице. Я приехал, смотрю, света нет, думал, она спать легла. Я дверь сам открыл... – Тут голос у него задрожал, сорвался. Петерсен стал ловить ртом воздух. – И я зашел в спальню... – Синие глаза наполнились слезами. – Умоляю вас, – теперь он обращался лично ко мне, – умоляю вас, не показывайте ее никому. Я не хочу, чтобы ее видели такой...

– Мистер Петерсен, нам необходимо осмотреть тело вашей жены, – сказала я как можно мягче.

И вдруг убитый горем Петерсен шарахнул кулаком по столу.

– Да знаю я! Я имел в виду всю эту шайку! Копов и всех прочих! Сейчас налетят, как стервятники, начнут фотографировать, потом в новостях покажут. – Крик пресекся, теперь голос Мэтта дрожал: – И какой-нибудь козел будет жрать пиццу и пялиться на мою Лори, мать его так!

Марино тут же отреагировал:

– Послушайте, Мэтт, у меня тоже есть жена. Я прекрасно понимаю ваши чувства. Обещаю, что не позволю фотографировать тело вашей супруги для новостей, как не позволил бы, будь это моя собственная жена.

Вот человек – врет и не краснеет!

Мертвые беззащитны. Я отлично понимала, что настоящие унижения у этой женщины еще впереди. Для начала беднягу сфотографируют, причем не абы как: от фотоаппарата не укроется ни один сантиметр ее тела. Снимки (увеличенные!) будут рассматривать эксперты, полицейские, адвокаты, судьи, присяжные и бог знает кто еще. Все особенности внешности и телосложения миссис Петерсен, все ее физические недостатки и все заболевания, которыми она когда-либо страдала, если таковые найдутся, обсудят, обговорят, занесут в протокол, в базу данных, размножат на принтере. Работники лаборатории и морга вспомнят боевую юность и в обеденный перерыв в лицах разыграют процесс, на котором жертва и преступник поменяются местами, – самая популярная развлекуха у второкурсников мединститута. Они тщательно исследуют тело и сделают выводы о привычках миссис Петерсен, а судья не преминет спросить, как она дошла до жизни такой.

Ничего не поделаешь, насильственная смерть касается не только родственников жертвы – этот аспект моей профессии всегда меня удручал. Я изо всех сил старалась защитить достоинство погибших, но сделать могла совсем немного, особенно после того, как смерть человека становилась «делом номер таким-то», а сам человек – вещдоком. Так уж повелось – сначала «плохой парень» лишает человека жизни, затем «хорошие парни» лишают его чести.

Марино сделал мне знак, и мы с ним вышли из кухни – там остались только Петерсен и юный офицер.

– Вы уже сфотографировали тело? – спросила я.

– Там сейчас наши парни пылят магнитным порошком, – отвечал Марино, имея в виду служащих отдела идентификации, обследующих место преступления. – Я запретил им прикасаться к телу.

Мы стояли в холле.

Стены украшали весьма недурные акварели и целая коллекция фотографий Мэтта и Лори в университете и на пляже: оба загорелые, с растрепанными волосами, в закатанных до колен брюках. А Лори была прехорошенькая – блондинка, тонкие черты лица, открытая улыбка. Она изучала медицину сначала в Медицинской школе Брауна, затем в Гарварде. Мэтт тоже заканчивал обучение в Гарвардском университете. Наверное, там они и познакомились. Мэтт был явно моложе своей жены.

Его жены Лори. Лори Петерсен. Сначала Браун, потом Гарвард. Лучшая студентка на курсе. Ей было всего тридцать. Ее мечта почти сбылась. Она восемь лет головы не поднимала от учебников и вот, наконец, стала врачом. А теперь ее нет. Ради нескольких минут извращенного удовольствия какого-то отморозка загублена человеческая жизнь.

Марино тронул меня за локоть, чтобы отвлечь от созерцания фотографий.

– Вот как этот тип проник в дом, – проговорил детектив, указывая на открытую дверь, ведущую в маленькую комнатку.

Это оказалась ванная, такая же чистенькая, как и остальные комнаты в доме Петерсенов. Пол выложен белой керамической плиткой, стены оклеены голубыми обоями, в углу стояла плетеная корзина для белья. Окно над унитазом было открыто настежь. Сырой ветер шевелил накрахмаленные белые шторы. Из темноты доносилось пение цикад.

– Москитная сетка разрезана. – Марино смотрел на меня безразлично. – Болтается за окном. А прямо под окном – скамейка. Выходит, этот тип влез на скамейку и подтянулся на руках.

Я внимательно осмотрела пол, раковину, унитаз. Странно: ни грязи, ни следов от ботинок. Может, я просто не вижу? Но в ванную я, естественно, не пошла – не хватало еще наследить самой и добавить работы полицейским.

– Не знаете, окно было заперто?

– Не думаю, – отозвался Марино. – Остальные точно были заперты – я уже проверил. Убитая, кажется, не особенно беспокоилась на этот счет. А ведь забраться в дом легче всего через окно ванной – оно и к земле поближе, и не с фасада – свидетелей не будет. Сразу в спальню лезть неудобно – жертва может услышать. А тут все шито-крыто – видно, парню сноровки не занимать. Да и ванная от спальни довольно далеко – как бы ты чутко ни спал, ничего не услышишь.

– А двери тоже были заперты, когда муж вернулся?

– Он утверждает, что да.

– Значит, убийца вышел тем же путем, что и вошел.

– Очень глубокомысленный вывод, – съязвил Марино. – Нет, каков подлец! – Детектив заглядывал в ванную, не переступая через порог. – Прямо лисичка-чистюля! Ни пятнышка не оставил, гаденыш, точно хвостом следы заметал! А ведь погодка-то была хреновая! – Марино посмотрел на меня так, словно я лично помогала убийце с уборкой. – Как ему удалось не оставить следов? Он летать умеет, что ли?

Интересно, к чему это клонит детектив? Глядя на Марино, я никогда не могла понять: то ли он так хорошо владеет мимикой, то ли просто тормозит. По доброй воле я бы не стала работать с таким типом, но выбирать не приходилось – я подчинялась этому доблестному сержанту. Марино стукнуло сорок девять, лицо у него было помятое – то ли от жизни, то ли от дурных привычек. Он практически облысел и потому расчесывал седые патлы на косой пробор в районе одного уха и перебрасывал их через всю плешь к другому. Марино был

высоким, около метра восьмидесяти, под глазами у него образовались мешки от большой любви к виски и пиву. Галстук он явно не менял со времен вьетнамской войны – широченный, в красно-синюю полоску и вечно сальный (разумеется, на войне как на войне – не до стирок). Короче, Марино являл собой великолепный образчик копа из малобюджетных детективов. Не удивлюсь, если окажется, что он держит попугая, которого в свободное от работы время учит ругаться, и что его квартира завалена порножурналами.

Я прошла по коридору и остановилась напротив спальни. На душе было паршиво.

В спальне работали двое сотрудников отдела идентификации – один посыпал все вокруг магнитным порошком, другой занимался видеосъемкой.

Лори Петерсен лежала на постели. Бело-голубое покрывало почти сползло на пол. Одеяло было сбито в ком – явно ногами; полусорванная простыня открывала матрас, подушки валялись как попало. Бардак на кровати странно контрастировал с идеальным порядком спальни, являвшей собой прекрасный образец представлений среднего класса об уюте, который неизбежно ассоциируется с полированной дубовой мебелью.

Лори была абсолютно голая. На прикроватном коврик валялась ее ночная сорочка бледно-желтого цвета, распоротая ножом сверху донизу, – то же самое наблюдалось и во всех предыдущих случаях. На прикроватном столике – том, что ближе к двери, – стоял телефон, провод от него преступник сорвал со стены. У двух настольных ламп провода тоже были перерезаны. Одним из них маньяк связал запястья Лори у нее за спиной, из второго же сделал хитроумный силок – именно так он поступал с прочими жертвами: петля охватывала шею женщины, провод по спине спускался к связанным запястьям, пропускаясь через эти «наручники» и крепко стягивал лодыжки. Пока ноги жертвы были согнуты в коленях, петля на шее болталась свободно. Но стоило только женщине вытянуть ноги – например, рефлекторно, от боли, или же под тяжестью тела насильника, – как петля затягивалась на ее шее, как лассо.

Смерть от удушья наступает в считанные минуты. Но для клеток живого организма, каждая из которых вопиет о кислороде, эти минуты превращаются в вечность.

– Доктор, можете войти. Я закончил со съемкой, – произнес сотрудник отдела идентификации.

Внимательно глядя под ноги, я приблизилась к кровати и надела хирургические перчатки. Затем сделала несколько снимков жертвы на месте преступления. Ее лицо раздулось до неузнаваемости и было багровым, почти синюшным от прилива крови, вызванного затянутой удавкой. Из носа и рта вытекли две багровые струйки. Я отметила, что Лори была довольно высокая – около метра семидесяти – и что она сильно располнела со времени поездки на море.

Внешность пострадавшего всегда имеет значение, особенно в нашем случае, когда отсутствие закономерности при выборе жертвы преступником стало почерком последнего. Четыре задушенные женщины были совершенно не похожи друг на друга, маньяк, кажется, не имел даже расовых предпочтений. Третья по счету жертва, очень стройная девушка, например, вообще была темнокожей. Первой жертвой стала рыжеволосая пышка, второй – миниатюрная брюнетка. И профессии не совпадали: школьная учительница, писательница, секретарша и вот теперь – врач. Да и жили они в разных районах города.

Я измерила температуру в комнате и температуру мертвого тела. Воздух – 21 градус по Цельсию, тело – 34. На самом деле точно назвать время смерти не так-то просто. Скажу больше: если нет свидетеля или если часы убитого не остановились вместе с его сердцем, определить четкое время гибели человека вообще невозможно. Очевидно было одно: Лори Петерсен умерла не более трех часов назад. Тело остывает примерно на одну и две десятых градуса в час, тело же миссис Петерсен еще только начало коченеть.

Я осмотрелась в поисках дополнительных улик. Посторонних волосков не обнаружилось, но я нашла множество ворсинок, преимущественно белых, от покрывала, и несколько темных. Я собрала их пинцетом в герметичные металлические контейнеры. Самыми значительными уликами казались мускусный запах и остатки спермы, засохшей на бедрах жертвы.

Сперму находили и на телах трех предыдущих жертв, но следствию пользы от нее не было никакой. Насильнику повезло: он принадлежал к двадцати процентам людей, у которых невозможно обнаружить антигены в слюне, сперме, поте и тому подобном. Иными словами, его группу крови нельзя было определить, имея образцы выделений тела. То есть без образца крови мы не сумели бы его идентифицировать. А кровь у него могла быть какой угодно

группы.

Еще совсем недавно эта особенность убийцы сделала бы его неуязвимым, а вину – недоказуемой даже в случае совпадения остальных улик, однако сегодня генетика шагнула далеко вперед. Нам осталась самая малость: поймать маньяка, взять у него сперму на анализ – и ученые определили бы его ДНК, а значит, выяснили бы, совпадает ли эта ДНК с ДНК человека, оставившего сперму на телах жертв. Ну, конечно, если у преступника случайно не обнаружилось бы однойцового брата-близнеца...

У меня за спиной, откуда ни возьмись, возник Марино.

– Петерсен говорит, что в прошлые выходные он сам забыл запереть окно в ванной.

Я молчала.

– Он говорит, что это ванная для гостей. Получается, будто он менял москитную сетку и забыл запереть окно. Всю неделю ванной никто не пользуется. Понятно, что она, – Марино кивнул на труп, – и не думала проверять это окно – она ведь его не открывала. И что интересно, – детектив сделал многозначительную паузу, – преступник сразу полез куда надо. Вот подфартило парню: сунулся в дом – и попал на незапертое окошко. На остальных москитные сетки целехоньки.

– А сколько окон выходит в сад? – поинтересовалась я.

– Три, – отвечал Марино, – из кухни, из душевой и из этой ванной.

– И все они подъемные, с замком наверху?

– Именно.

– Значит, если посветить фонариком снаружи, можно увидеть, заперто окно или нет?

– Может, и можно, – Марино в очередной раз смерил меня неприязненным взглядом, – но придется на что-нибудь влезть. С земли ничего не видеть.

– Вы говорили, там есть скамейка.

– Вся фишка в том, что на газоне настоящее болото. Если бы преступник тащил скамейку к окну, на земле остались бы следы. И на скамейке остались бы, если бы он на нее взгромоздился. Мои люди проверяли – под другими окнами вмятин нет. Не похоже, чтобы убийца вообще к ним подходил. Все говорит о том, что он прямехонько направился к окну ванной.

– А если окно было открыто настежь?

– Тогда эта леди уж наверняка бы это заметила.

Может, заметила бы. А может, и нет. Теперь легко рассуждать. Люди, как правило, не обращают внимания на такие мелочи, особенно если почти не заходят в комнату.

На столике напротив окна спальни, зловеще свидетельствуя о том, что убитая женщина была, как и я, врачом, валялись в беспорядке несколько медицинских журналов, учебное пособие по хирургии и медицинский словарь. Кроме того, там лежали две дискеты, помеченные карандашом как I и II. Миссис Петерсен, наверное, работала с ними в колледже – в доме я не заметила компьютера.

На плетеном стуле обнаружилась одежда – аккуратно сложенные белые штаны, блузка в красно-белую полоску и лифчик. Миссис Петерсен явно проходила в этом весь день. Наверное, вечером у нее просто не было сил убрать одежду в шкаф – я тоже оставляла вещи на стуле, когда сильно уставала.

И просторный гардероб, и ванная были в полном порядке. Ясно, что преступника интересовала только женщина.

Парень из отдела идентификации обследовал комод, Марино наблюдал за ним с умным видом.

– Что еще известно о ее муже? – спросила я.

- Он учится в аспирантуре в Шарлотсвилле, там и живет, домой приезжает в пятницу вечером, а уезжает в воскресенье вечером.

- И что он изучает?

- Литературу. - Марино умел смотреть как будто сквозь человека и сейчас совершенствовал свое искусство на мне. - Получит докторскую степень.

- В какой дисциплине?

- Да в литературе же!

- В каком разделе литературы?

Марино наконец соизволил меня заметить.

- В американской литературе, - произнес он, теряя терпение. - Так, по крайней мере, говорит этот тип. Но, по-моему, его особенно интересуют пьесы. Вроде как он даже занят в спектакле - вспоминал какого-то Шекспира, а пьеса называется «Гамлет» или что-то в этом роде. Парень вообще-то довольно много играл, даже снимался в фильмах и в рекламе.

Отдел идентификации наконец закончил работу.

Марино, указывая на дискеты, провозгласил:

- Хорошо бы посмотреть, что на этих штукаx. Вдруг это Петерсен пьеску пишет?

- Можно открыть их у меня в офисе. У нас есть компьютеры, совместимые с IBM.

- Компью-у-у-теры, - протянул Марино. - Совместимые с IBM, очуметь. Такая роскошь не про нас. Мы все больше глаза портим, таращась в списанные компы, - кто ж нам новые даст, когда мы так и норовим кофе на клавиатуру пролить?

В это время вездесущий работник отдела идентификации влез в нижний ящик комода и извлек из-под стопки свитеров длинный походный нож – классную игрушку с компасом на черной рукояти и с маленьким точильным камнем в кармашке на ножнах. Нож отправился в герметичный пластиковый пакет.

В этом же ящике была обнаружена пачка презервативов. Я не преминула заметить Марино, что их наличие – явление, мягко говоря, странное: ведь жена Петерсена принимала противозачаточные таблетки, судя по коробочке в ванной.

Марино и отдел идентификации немало развеселились.

– Тело можно забирать, – сказала я, снимая перчатки.

Мужчины мигом притихли. Убитая смотрела прямо перед собой выпученными незрячими глазами, рот ее застыл в мучительном оскале.

Через несколько минут явились двое с носилками, покрытыми белой простыней.

Тело Лори Петерсен подняли вместе с простыней, как я велела, и положили на носилки. Края простыни скрепили липучками, чтобы на тело не попали посторонние предметы – даже обычная пыль могла повредить – и чтобы не потерять ни единой улики.

Марино вышел вместе со мной и любезно предложил проводить до машины.

В коридоре торчал Мэтт Петерсен – серый, с остановившимся, погасшим взглядом. Он уставился на меня, в его потускневших глазах промелькнула мольба. Мэтт хотел услышать, что его жена не мучилась. Что маньяк сначала убил ее, а потом связал и изнасиловал. Что я могла сказать Петерсену? Марино почти волок меня к входной двери.

Лужайку перед домом ярко освещали прожекторы. В синих и красных лучах видеокамер и маячков она казалась нереальной, как пейзаж чужой планеты. Отрывистые команды диспетчеров пытались перекрыть несмолкающий вой полицейских сирен. Пошел мелкий дождь, туман понемногу рассеивался.

Репортеры так и сновали со своими блокнотами и диктофонами. Они дожидались кульминации шоу – выноса тела. Команда телевизионщиков дежурила на улице. Женщина в стильном плаще, подпоясанном ремнем, сделав серьезное лицо, «вела репортаж с места событий» – вечером мы увидим ее в новостях.

Билл Болц, прокурор штата, только что прибыл на место происшествия. Он неловко вылезал из машины, пряча от камер заспанное лицо. «Чего пристали? – будто бы обращался Болц к окружающим. – Я сам только приехал, что я могу знать?» Интересно, кто ему сообщил – не Марино ли? Копы маялись от безделья – одни шарили прожекторами по окнам дома Петерсенов, другие вылезли из машин и травили анекдоты. Болц застегнул кожаную куртку и поспешил к дому. Наши глаза встретились, и он поспешно кивнул.

Шеф полиции и майор, оба бледные, давали интервью Эбби Тернбулл прямо из машины. Эбби приходилось задавать вопросы через окно. Едва мы вышли за ворота, как Эбби забыла про шефа полиции и метнулась к нам.

Марино отразил атаку сухим «без комментариев» – Эбби, дескать, не дура, пускай придумает что-нибудь сама, ей за это деньги платят.

Детектив шагал широко, и мне было даже уютно в его тени.

– Нет, ну что за дерьмо? – возмущался он, хлопая себя по карманам в поисках сигарет. – Дурдом.

Дождь приятно охлаждал лицо. Марино придержал дверцу автомобиля. Я включила зажигание. Он наклонился ко мне и ухмыльнулся:

– Осторожней на дороге, док.

2

Белый циферблат, как полная луна, висел над темным куполом вокзала, железной дорогой и эстакадой. Огромные ажурные стрелки остановились лет сто назад, одновременно с последним пассажирским поездом – на дальней

окраине Ричмонда, у морга, всегда было 12:17.

Здесь действительно будто бы остановилось само время. Это был нежилой район – все дома запланировали под снос. День и ночь грохотали машины и поезда: я привыкла к грохоту, как привыкают к шуму моря. Вокруг в полной темноте простирались загаженные пустыри. Добрые люди сюда не заходили, разве что случайно проезжали мимо.

Белый циферблат следил за мной, пока я подъезжала к моргу – следил совсем как белое лицо из моего сна.

Пахло сырым железом. Я припарковалась у свежоштукатуренного здания морга – последние два года я бывала здесь каждый день. У морга уже стоял серый «плимут» Нейлза Вандера, специалиста по дактилоскопии, – Нейлз, как и я, ездил на служебной машине. Я позвонила ему сразу после того, как Марино сообщил мне о происшествии. Из-за последних убийств нас, криминалистов, вытаскивали из дома в любое время дня и ночи, но Вандер, в отличие от меня, получив информацию об очередном удушении, должен был ехать прямо в морг. Сейчас он находился в рентген-кабинете – очевидно, налаживал аппаратуру.

Свет из окна косыми лучами падал на асфальтированную дорогу. Подъехала «скорая», из нее вылезли двое санитаров с носилками. Скучать не приходилось даже ночью – всех, кто умер насильственной смертью, или внезапно, или как-то подозрительно, отправляли к нам, не дожидаясь, когда наступит утро или закончатся выходные.

Санитары явно не рассчитывали увидеть меня в такую рань. Я распахнула дверь холла.

– Что это вы ни свет ни заря на работе? – поздоровался один. Другой кивнул на носилки с трупом:

– Самоубийство в Мекленбурге. Парень бросился под поезд. Запарились его с рельсов соскребать.

– Остались от козлика рожки да ножки...

Они пошли по коридору. Кровь еще капала с изуродованного тела прямо на чистый пол.

Отвратительный запах смерти ничем не выведешь – ни хлоркой, ни освежителями воздуха, ни открытыми окнами – я и с завязанными глазами поняла бы, что это за место. Но по утрам вонь казалась еще невыносимее, чем в остальное время суток. Санитары загнали труп в морозильник и с грохотом, только подчеркнувшим мертвую пустоту коридоров, захлопнули дверцу.

Я прошла в кабинет, где Фред, охранник, прихлебывая кофе, дожидался, пока санитары зарегистрируют тело в журнале и уберутся. Фред уселся на краю стола таким образом, чтобы случайно не увидеть носилки. Он, наверное, и под дулом пистолета не пошел бы в морозильную камеру отслеживать, правильно ли обращаются с телом. Особенный ужас у Фреда вызывали почему-то номерки, болтающиеся на пальцах ног покойников.

Он бросил тоскливый взгляд на часы – до конца его смены оставались считанные минуты.

– Еще одну женщину задушили, – попыталась я его подбодрить.

– Боже! – воскликнул Фред. – Какой же изувер это делает! Бедняжки! – Он еще ниже опустил голову.

– Ее привезут с минуты на минуту. Уж будь добр, проследи, чтобы дверь заперли и чтобы никто не имел доступа к телу. Репортеры слетятся, как мухи на мед, но смотри, никого на пушечный выстрел не подпускай к моргу. Понял? – Наверное, помягче надо было с ним – он такой впечатлительный, – да уж как смогла.

– Так точно, мэ, – отрапортовал Фред. – Не волнуйтесь, я все сделаю.

Я зажгла сигарету и набрала домашний номер.

После второго гудка трубку сняла заспанная Берта.

– Берта, я просто хотела проверить, все ли в порядке.

– Да, доктор Кей. Когда я вошла, Люси даже не шевельнулась. Спит как сурок.

– Огромное спасибо, Берта. Просто не знаю, как вас благодарить. Но я даже не могу сказать, когда вернусь домой.

– Не волнуйтесь, доктор Кей, я вас дождусь.

Бедная Берта! Не знала ни сна ни отдыха. Если меня поднимали среди ночи, я тут же звонила ей. Я дала Берте ключи и показала, как снимать дом с сигнализации. Она, видимо, прикатила сразу после моего отъезда. Я курила и думала о том, как огорчится Люси, когда утром вместо тети Кей увидит на кухне Берту.

Мы с Люси собирались сегодня в Монтиселло...

На хирургическом столике стоял прибор, внешне похожий на микроволновку, но поменьше, с ярко-зелеными лампочками на передней панели. В крошечной тьме лаборатории он казался неким космическим объектом, чем-то вроде летающей тарелки. Витой шнур соединял его со светящимся шпателем.

Эта конструкция (довольно простая) была не чем иным, как лазером, который наша лаборатория получила прошлой зимой.

В обычных условиях молекулы и атомы излучают свет независимо друг от друга и на волнах разной длины. Однако, если на атом воздействовать теплом и если с ним столкнется световая волна определенной длины, то он начнет излучать свет в соответствии с определенными фазами.

– Сейчас-сейчас. – Нейлз Вандер колдовал над лазером. – Что-то он сегодня тормозит. Да и я не лучше, – добавил он мрачно.

Я наблюдала за манипуляциями Нейлза сквозь желтые защитные очки. Прямо передо мной лежало то, что недавно было Лори Петерсен. Я совершенно успокоилась и сосредоточилась. Твердой рукой я откинула простыню. Тело еще не остыло – Лори испустила дух совсем недавно, и он, казалось, витал над оболочкой, как едва уловимый запах.

Наконец Вандер сказал «готово» и щелкнул выключателем.

И тотчас синхронизированный свет выхватил из темноты стол. Словно жидкий хризоберилл разлился в лаборатории и не рассеял тьму, а, наоборот, поглотил ее. Свет не сиял, а будто плескался на столе. Нейлз, облаченный в белый халат, тоже светящийся, стал водить шпателем по голове убитой.

Мы исследовали тело сантиметр за сантиметром. Тончайшие волокна вспыхивали под лучом лазера, и я собирала их пинцетом: казалось, это никогда не кончится, я так и буду ходить туда-сюда – от залитого светом стола с телом к контейнерам с вещдоками. Лазер выхватывал то уголок рта, то кровоподтек на скуле, то кончик носа – убитая представлялась какой-то мозаикой, пазлом. Впрочем, я и пальцы свои воспринимала отдельно от себя.

Быстрая смена света и темноты вызывала головокружение: чтобы не упасть, я старалась сосредоточиться на каждой операции, настроить движения и мысли на одну волну.

– Санитар сказал, что она, – Вандер кивнул на тело, – проходила стажировку в хирургии.

– Угу.

– Вы были знакомы?

Странный вопрос. А я-то чего напряглась? Ну да, я читала лекции на медицинском факультете, но там таких студенток и стажеров человек триста. Разве всех вспомнишь?

Разговор я не поддерживала, только давала Вандеру указания: «Посвети сюда», «Правее». Вандер был каким-то заторможенным и от этого нервничал. Я тоже была на пределе. Мы оба замучились – от лазера толку оказалось не больше, чем от пылесоса. Я уже смотреть не могла на волокна.

Мы и раньше часто использовали лазер, хотя реально он помог нам всего пару раз. Лазер высвечивает незаметные пылинки и волокна, а также может выявлять частички пота – под лучом они фосфоресцируют. Теоретически отпечаток пальца

на коже способен светиться, и за счет этого его можно идентифицировать, если магнитный порошок и другие способы не годятся. Однако в моей практике был только один случай обнаружения отпечатков пальцев на коже – женщину убили в солярии, и преступник вляпался в крем для загара. Вряд ли нам с Вандером снова так повезет.

И вдруг мы увидели кое-что интересное.

Прямо над правой ключицей Лори Петерсен высветились три размазанных отпечатка, да так ярко, точно у преступника пальцы были в фосфоре. Вандер присвистнул, а у меня вспотела спина.

Вандер обработал ключицу магнитным порошком, и отпечатки стали еще заметнее.

Я уже и надеяться боялась.

– Ну что?

– Отпечатки частично смазаны, – отозвался Вандер и стал фотографировать плечо «Полароидом». – Но то, что осталось, прекрасно видно. Думаю, мы сможем их идентифицировать. Я прямо сейчас посмотрю.

– Кажется, мы имеем дело с тем же веществом, – рассуждала я вслух, – которое находили прежде.

Маньяк снова оставил автограф. Нет, не могло нам так повезти. Не стоило и рассчитывать на то, что мы обнаружим отпечатки, – это было бы слишком хорошо.

– Да, очень похоже. Но на этот раз у него, кажется, все руки были в этой дряни.

Прежде убийца не оставлял отпечатков, зато светящееся вещество, «блестки», как мы его назвали, находилось постоянно, так что мы не удивились. Только на этот раз «блесток» было гораздо больше. Вандер нашел их и на шее – в темноте «блестки» сверкали, как пресловутое горлышко бутылки. Вандер отложил шпатель, я потянулась за стерильной тканью.

Количество «блесток» возрастало от жертвы к жертве. На теле первой «блесток» было совсем чуть-чуть, четвертая же просто фосфоресцировала. Мы, конечно, отослали образцы на экспертизу, да их пока не удалось идентифицировать. Эксперты уверяли только, что «блестки» – неорганического происхождения.

У нас уже был длинный список веществ, которыми «блестки» оказаться не могли, но легче от этого не было. В течение последних недель мы с Вандером только и делали, что тестировали все подряд – от маргарина до лосьонов для тела, причем мазались этим сами. Кое-какие вещества светились – мы и предполагали, что они будут светиться, – однако до неопознанных «блесток» им было далеко.

Я осторожно просунула палец под удавку и ощупала ссадину на шее. Края ссадины были неярко выраженные – значит, удушение происходило медленнее, чем я предполагала. Видимо, маньяк несколько раз затягивал и ослаблял петлю, пока наконец не затянул ее окончательно и бесповоротно. На удавке оказалась еще пара «блесток». Все, нам, похоже, больше ничего не светило. Я велела Вандеру проверить провод на лодыжках.

Мы продолжали осмотр. Ниже на теле Лори Петерсен тоже обнаружилось несколько светлых «блесток», но гораздо меньше, чем на шее. На лице, на волосах и на ногах, например, их не было вовсе. Немного «блесток» мы нашли на предплечьях, а плечи и грудь сияли не хуже Млечного Пути. Шнур, стягивавший запястья, мерцал как лунная дорожка. «Блестки» угодили и на распоротую ночную сорочку.

Итак, восстановим ход событий, а сигарета нам поможет.

Руки преступника были в «блестках», и они оставались на телах жертв. Сорвав с Лори Петерсен сорочку, маньяк схватил ее за плечо и оставил отпечатки пальцев на ключице. Совершенно ясно, что он прикоснулся сначала к плечу – там концентрация «блесток» оказалась самой высокой.

Но вот это-то и было странно.

Прежде я думала, что преступник сначала запугивал жертву, возможно приставив ей к горлу нож, потом связывал ее, а уж в самом конце своей процедуры распарывал одежду и действовал согласно сценарию. Естественно,

с каждым новым прикосновением «блесток» на его руках становилось все меньше. Почему же их так много на ключице? Может, ключицы миссис Петерсен были обнажены? Вряд ли: на ней была ночная сорочка из плотного хлопка, фасоном напоминающая закрытую футболку с длинными рукавами, без молний и пуговиц. Как мог убийца оставить «блестки» на ключице жертвы, одетой в такую «броню»? И вообще, почему на ключице столько «блесток»? В таких количествах они нам с Вандером еще не встречались.

Я вышла в холл и велела полицейским, подпиравшим стены, прекратить травить анекдоты, немедленно связаться с Марино и попросить его как можно скорее мне позвонить. Детектив ответил по рации, но мой номер набирать не спешил. Я ходила взад-вперед по анатомичке, стуча каблуками по кафельному полу. В полутьме поблескивали столы из нержавеющей стали, с каталок скалились скальпели, где-то подтекал кран. Мерзко пахло дезинфектором, но другие запахи, которые он не мог перебить, были еще отвратительнее. Телефон молчал, будто поддразнивая. Ну, не телефон, конечно, дразнил, а Марино – он знал, что я жду, и наслаждался, чувствуя себя хозяином положения.

Я забыла о трупе и думала теперь только о Марино – я всегда о нем думала, когда нервничала. Почему у нас с ним не получалось нормально сотрудничать? Что ему во мне не нравилось? Уж я, кажется, все делала для того, чтобы наладить деловые отношения. При первой встрече я поздоровалась с Марино за руку, вложив в рукопожатие все свое уважение к его заслугам. А он? Он только смерил меня презрительным взглядом.

Наконец он позвонил – я засекала – ровно через двадцать минут.

Марино все еще торчал в доме Петерсенов – допрашивал мужа. Последний, по словам доблестного сержанта, оказался тупым, как дерево.

Я рассказала Марино о «блестках», повторив свои прежние соображения: возможно, «блестки» – это какой-нибудь порошок для чистки плиты или что-то в этом роде, раз мы обнаруживали их на телах всех четырех жертв; возможно, маньяк в своем безумном мозгу разработал целый ритуал убийства, и «блестки» служили обязательным компонентом этого ритуала.

Мы уже протестировали все вещества, которые люди держат в доме, – начиная с талька и заканчивая стиральным порошком. Если «блестки» не используются

в хозяйстве – а интуиция подсказывала мне, что не используются, – значит, убийца нацеплял их у себя дома или на работе и, может быть, сам не заметил как. В этом случае мы могли бы напасть на его след.

– Я думал об этом, – перебил Марино. – Только у меня имеются и собственные соображения.

– Какие?

– Этот муженек – он ведь актер, верно? У него репетиции каждую пятницу, вот он и приезжает домой поздно. Провалиться мне на этом месте, если актеры не пользуются гримом! – Марино выдержал паузу. – Что скажете?

– Скажу, что актеры гримируются только для генеральных репетиций и для спектаклей.

– Черт, верно. – Сержант медлил, собираясь, видимо, поразить меня силой мысли. – Все верно. А Петерсен говорит, что именно вчера у него была генеральная репетиция и именно с этой репетиции он якобы вернулся и якобы нашел свою жену мертвой. Короче, мой внутренний голос подсказывает...

– А вы взяли у Петерсена отпечатки пальцев? – резко перебила я.

– Нет, черт побери, я тут всю дорогу спектаклем наслаждался!

– Пожалуйста, положите образец в пластиковый пакет и, как только подъедете, передайте мне.

Марино не понял, куда я клоню.

Я не стала объяснять – настроения не было.

На прощание Марино произнес:

– Не знаю, когда смогу заехать. Работы вагон. Чувствую, проторчу тут целый день.

Все ясно: до понедельника ни Марино (бог с ним), ни отпечатков (а это уже хуже) мне увидеть не светило. Сержант напал на след – на этот след нападают все полицейские, не обремененные интеллектом. Будь муж погибшей хоть святым Антонием, находишься он хоть в другом полушарии на момент убийства, для копов он – первый (хорошо, если не единственный) подозреваемый.

Конечно, случается, что мужья отравляют, забивают до смерти, режут кухонными ножами или стреляют из именного оружия в своих жен, но вряд ли найдется муж, который, желая избавиться от жены, станет ее связывать, насиловать и медленно душить.

Соображала я все хуже и хуже.

Удивляться было нечему – я была на ногах с полтретьего ночи, а уже пробило шесть вечера. Полицейские давно уехали. Вандер свалил еще в обед. Почти одновременно с ним ушел Винго, один из моих помощников в анатомичке. Я осталась в морге одна.

Вообще-то, я не выношу шума, но сейчас тишина, в прямом смысле мертвая, действовала мне на нервы. Меня трясло, руки стали ледяными, ногти посинели. Я буквально подпрыгивала от каждого телефонного звонка.

Охранники в морг всегда выделялись по остаточному принципу, и никого, кроме меня, это не волновало. На мои жалобы не реагировали. В морге, рассуждали чиновники, красть нечего: даже если устроить «день открытых дверей», сюда и на веревке никого не затащишь. Покойники – сами себе охрана, и надпись «Морг» действует эффективнее, чем плакат «Не влезай – убьет!» или «Осторожно, злая собака!».

Покойников я не боюсь – чего их бояться. Живые – вот с кем надо быть начеку.

Несколько месяцев назад какой-то тип с ружьем ворвался в приемную терапевта и выпустил в пациентов целую обойму. После этого я перестала ждать милостей от природы и купила за свои деньги цепь и висячий замок. И когда я забаррикадировала застекленные двери главного входа, мне сразу же стало легче.

Внезапно кто-то с такой силой затряс входную дверь, что, когда я прибежала на грохот, цепь все еще раскачивалась, хотя людей поблизости я не заметила. Вообще-то, случилось, что бомжи пытались воспользоваться нашим туалетом...

Я вернулась за рабочий стол, но думать уже больше ни о чем не могла. Услышав, что в холле открылись двери лифта, я взяла большие ножницы и приготовилась к обороне. Но это оказался охранник – он пришел сменить прежнего.

– Случайно не ты только что ломился в застекленную дверь?

Охранник покосился на ножницы и сказал, что нет. Вопрос, конечно, прозвучал глупо – он прекрасно знал, что застекленная дверь на цепи, и у него были ключи от остальных дверей. Зачем ему главный вход?

Я пыталась надиктовать на пленку отчет о вскрытии. Однако звуки собственного голоса странно раздражали и даже пугали. До меня постепенно доходило: никто, даже Роза, моя секретарша, не должен знать о том, что нам с Вандером удалось выяснить в ходе экспертизы – ни о «блестках», ни об остатках спермы, ни об отпечатках пальцев, ни о следах от удавки, ни, самое главное, о том, что убийца – еще и садист. Ведь если информация просочится в газеты или на телевидение, маньяк озверевает окончательно.

Этому выродку было уже недостаточно насиловать и убивать. Да-да, я это поняла, когда сделала несколько надрезов в подозрительно красных местах на коже последней жертвы и прощупала пальцы в местах переломов. Именно тогда – жаль, что не раньше! – мне стала ясна картина преступления.

Повреждения еще не успели превратиться в кровоподтеки и гематомы, заметные невооруженным глазом, но вскрытие показало, что во многих местах были порваны сосуды, а также то, что миссис Петерсен ударили тупым предметом или коленом. Слева были сломаны три ребра подряд; так же маньяк поступил с пальцами рук. Во рту, в основном на языке, обнаружили волокна – значит, убийца пользовался кляпом.

Я вспомнила о скрипке и медицинских журналах. Преступник, вероятно, понял, что руки – самое ценное, что есть у жертвы. Он связал миссис Петерсен и переломал ей пальцы. Один за другим.

Я выключила диктофон – все равно ведь молчу – села за компьютер и начала сама печатать отчет о вскрытии.

В записи, сделанные в процессе вскрытия, я не заглядывала – помнила их наизусть. Мне не давала покоя фраза «в норме». Все-то у погибшей было в норме – и сердце, и легкие, и печень. Лори Петерсен умерла совершенно здоровой. Я увлеклась и не слышала, как к двери подошел Фред. Лишь случайно подняв глаза, я увидела, что он стоит в дверном проеме и смотрит на меня.

Ничего себе заработалась! Фред успел смениться и снова заступил на дежурство, а я все сижу. С момента, когда я в последний раз видела Фреда, будто бы целая вечность прошла – так бывает в дурных тягостных снах.

– Вы все еще здесь? – Бесстрашный охранник колебался, не зная, можно ли меня отвлекать. – Там приехали родственники парня, которого привезли утром. Аж из Мекленбурга. А где Винго? Я его обыскался. Они тело не могут найти...

– Винго давно ушел. Что за парень?

– Какой-то Робертс. Он бросился под поезд.

Робертс, Робертс. Кроме Лори Петерсен, сегодня было еще шесть трупов. Под поезд, ну да, конечно.

– Так он в морозильнике.

– Они говорят, что не могут его опознать.

Я сняла очки и потерла глаза.

– А ты для чего?

Фред соорудил дурацкую мину и поежился.

– Доктор Скарпетта, вы ж знаете. Я боюсь покойников.

Увидев у ворот «понтак» Берты, я успокоилась. Она открыла дверь прежде, чем я нащупала в кармане ключ.

– Как погода в доме?

Берта поняла, что я имею в виду. Этот вопрос я всегда задавала, вернувшись с работы, – если Люси гостила у меня.

– Скверная. Девчонка целый день просидела в вашем кабинете, уткнувшись носом в компьютер. А когда я приносила ей бутерброд, она начинала кричать. Ужас! Но я-то знаю, в чем дело, – темные глаза Берты потеплели, – она просто расстроена, что вас нет дома.

Мне стало стыдно.

– Я читала вечернюю газету, доктор Кей. Господи, помилуй нас, грешных!

Берта уже успела надеть плащ.

– Я знаю, почему вам пришлось проработать чуть не целые сутки. Какой кошмар! Хоть бы полиция скорей его поймала! Как только земля таких носит!

Берта знала, кем я работаю, и никогда не задавала лишних вопросов. Она не стала бы расспрашивать меня, случись даже что-нибудь подобное на ее улице.

– Вечерняя газета здесь, – произнесла Берта, указывая в сторону гостиной. Она взяла с полки покетбук под названием «Роковая страсть» и объяснила: – Я спрятала ее под диванную подушку, чтобы Люси не нашла. Я подумала, что вам не понравится, если девочка прочитает про это убийство.

И Берта погладила меня по плечу.

Я проводила «пontiак» взглядом. Надеюсь, Берта доберется до дома без приключений. Я больше не извинялась перед ней за своих родных. И моя племянница, и моя мама, и моя сестра всеми способами без устали доводили бедную Берту. Берта все понимала. Берта не жаловалась и не сочувствовала, но порой мне казалось, что она меня жалеет. Естественно, от этого мне было только хуже. Я пошла на кухню.

Кухня – мое любимое место в доме. Потолок в ней высокий, и она не перегружена комбайнами и миксерами, потому что я все предпочитаю делать руками – и резать спагетти, и месить тесто. Конечно, у меня есть несколько необходимых приборов, причем самых современных. Прямо посреди рабочей зоны красуется мраморная доска для разделки мяса: она подогнана под мой рост – метр шестьдесят без тапок. Барная стойка расположена напротив огромного окна, которое выходит в тенистый двор, на кормушку для птиц. Шкафы и панели из светлого дерева, но смотрятся неплохо, потому что я всегда срезаю для кухни самые свежие желтые и красные розы в моем обожаемом цветнике.

Люси в кухне не было. Посуда от ужина стояла на сушилке. Видно, Люси снова торчала в моем кабинете.

Я достала из холодильника бутылку шабли и налила себе полный бокал. Облокотившись на барную стойку и закрыв глаза, с наслаждением начала пить вино маленькими глотками. Как же быть с Люси?

Прошлым летом она впервые гостила в этом доме – впервые с тех пор, как я закончила школу судмедэкспертов и переехала в Ричмонд из города, в котором родилась и в который вернулась после развода. Люси – моя единственная племянница. Ей всего десять, а она уже решает сложные задачи по математике и разбирается в точных науках на уровне абитуриента. Люси – настоящий вундеркинд. Вся в своего отца-ученого – он умер, когда она была совсем крошкой. Но сладу с ней нет никакого. Мать Люси, моя сестра Дороти, слишком занята сочинением детских книжек, чтобы еще волноваться о дочери. Меня Люси обожает – не понимаю за что, – но это обожание требует ответных душевных сил, которых у меня сейчас просто нет. По дороге домой я прикинула, что лучше бы отправить девочку в Майами раньше, чем планировалось. И все же не смогла себя заставить перебронировать ее билет.

Люси бы ужасно обиделась. Люси бы не поняла. Отправить Люси к Дороти – все равно что лишний раз напомнить девочке, что она мне мешает. Люси уже привыкла мешать матери, но мешать тете Кей... Она целый год мечтала, как будет жить у меня. Да и я, признаться, считала дни до приезда племянницы.

Я потягивала вино и распутывала комок собственных нервов.

Я живу в новом районе в западной части Ричмонда. У нас тут хорошо – под каждый дом отведен участок в целый акр, с большими деревьями, и машин почти нет, разве что семейные седаны да почтовые фургоны. Соседи тихие, ни домушников, ни хулиганов – уж и не помню, когда последний раз по нашей улице курсировала полицейская патрульная машина. За спокойствие и переплатить не жалко. Завтракая в своей любимой кухне, я всегла радуюсь, что единственные нарушители спокойствия в нашем районе – это белки и сойки, ссорящиеся у кормушки.

Я перевела дух и сделала еще глоток. Я стала бояться ложиться спать, бояться тягучей бесконечности между щелчком выключателя и погружением в сон. Мне казалось, что перестать думать о маньяке – все равно что снять бронезилет. Перед глазами стояло багровое лицо Лори Петерсен. Дальше – больше: фрагменты изувеченного тела, которые я видела сегодня в луче лазера, стали с пугающей точностью складываться в моей голове в причудливый пазл.

А потом «пленка» начала крутиться назад. Вот маньяк в спальне жертвы. Лицо у него расплывчатое, белое. Сначала Лори пыталась его урезонить. Бог знает, сколько времени прошло с момента ее пробуждения от прикосновения ледяного клинка к горлу до момента, когда убийца скрутил ей руки. Он отрезал провода от телефона и ламп в считанные минуты, показавшиеся жертве вечностью. Лори Петерсен, наивная, думала, что высшее образование поможет ей задобрить маньяка – маньяка, которого правильная речь жертвы только еще больше разъярила.

Дальше события развивались с бешеной скоростью, и с такой же скоростью крутилась «пленка» в моей голове. Только фон у всех сцен был один и тот же – ужас, животный, неконтролируемый ужас. У меня больше не было сил смотреть это кино. Надо было успокоиться.

Окна моего кабинета выходят на лужайку, окруженную старыми платанами. Жалюзи я обычно не поднимаю – не могу сосредоточиться, если есть хоть малейшая вероятность, что меня увидят с улицы. Я стояла в дверях и смотрела, как Люси ловко стучит по клавиатуре моего компьютера. В кабинет я не заходила уже несколько недель, соответственно не прибиралась, – неудивительно, что там был бедлам. Валялись только книги и журналы, зато в самых неподходящих местах. Стену подпирали мои многочисленные дипломы и сертификаты – я все собиралась развесить их в офисе, да руки не доходили. На китайском коврике ждала редакции стопка статей для журналов. Карьера, ко всем своим прелестям, имеет еще одно преимущество: никто не потребует от успешной леди идеального порядка в доме. Однако меня лично раздражал этот бардак.

– Ты что, решила за мной шпионить? – процедила Люси, не поворачивая головы.

– Да кто за тобой шпионит? – Я поцеловала ее рыжую макушку.

– Ты, – ответила Люси, продолжая печатать. – Я тебя видела. Ты отражалась в мониторе. Ты за мной следила.

Я обняла девочку, примостив подбородок на ее темечке, и посмотрела на светящийся экран. Мне раньше никогда не приходило в голову, что в экране можно отражаться, как в зеркале. А ведь Маргарет, наш системный администратор, всегда говорит «Доброе утро, Джон», не поворачивая головы от компьютера. Меня давно мучил вопрос, как она узнает, что за ее спиной именно Джон, а не, скажем, Роза. Теперь все стало ясно. Лицо Люси отражалось в мониторе расплывчато – хорошо видны были только «взрослые», в черепаховой оправе очки. Обычно при встрече Люси повисала на мне, как мадагаскарский ленивец, но сегодня она была не в духе.

– Прости, пожалуйста, что не смогла поехать с тобой в Монтиселло, – бросила я пробный шар.

Люси передернула плечами.

– Мне хотелось поехать не меньше, чем тебе, но я правда не могла, – продолжала я.

Люси снова передернула плечами:

- Мне больше нравится сидеть за компьютером.

Врет, конечно, а все равно обидно.

- У меня сегодня была чертова куча дел, - холодно продолжала Люси, кликая команду «назад». - У тебя не база данных, а настоящая помойка. Небось ты ее целый год не чистила. - Она крутнулась в кожаном кресле, и я выпустила ее из объятий. - Вот мне и пришлось провести форматирование.

- Что-что провести?

Нет, Люси не могла так поступить. Она не могла очистить жесткий диск, нет, только не это. Ведь на жестком диске у меня хранилось штук шесть статистических таблиц, которые я использовала, когда писала статьи для журнала, - если сроки поджимали. «Плакали твои таблицы», - простонал внутренний голос. Последний раз я их дублировала месяца три назад.

Люси, не мигая, смотрела на меня своими зелеными, несколько совиными из-за толстых очков глазами. Выражение ее круглой хитрой мордашки было очень даже серьезным.

- Я сначала прочитала инструкцию. Все очень просто. Нужно только напечатать IOR I в графе C, а когда все отформатируется, зайти на сайты Addall и Catalog.Org. Только полный мудак с этим не справится.

Я не нашлась что ответить. Я даже не отругала Люси за ее лексикон.

У меня подкашивались ноги. Помню, года два назад мне позвонила Дороти. Она была в шоке. Оказывается, пока моя сестрица ходила по магазинам, Люси пробралась к ней кабинет и успешно отформатировала все дискеты до единой, иными словами, удалила все данные. На двух дискетах были главы из книги Дороти, которые она еще не успела ни распечатать, ни продублировать. Теперь очередь дошла и до меня.

- Люси, как ты могла?

– Не волнуйся, – мрачно ответила девочка. – Я сохранила все данные. Так было написано в инструкции. А потом я импортировала их назад и снова присоединила. Все на месте. Зато теперь у тебя на диске много свободного места.

Я придвинула пуф и уселась напротив Люси. И только тут увидела под россыпью дискет вечернюю газету. Я извлекла ее и открыла на первой странице. Хоть бы там было написано что-нибудь другое – что угодно! Но нет: заголовок, набранный самым крупным шрифтом, гласил:

«Убита молодая женщина-хирург. Полиция считает, что это четвертая жертва маньяка.

Тридцатилетняя женщина-хирург, проходившая стажировку в одной из больниц сети некоммерческих лечебных учреждений Вэлли Медикал Сентер, найдена сегодня ночью с удавкой на шее в своем собственном доме на Беркли-Даунз. На теле убитой обнаружены следы жестоких побоев. По заявлению шефа полиции, есть все основания полагать, что смерть этой женщины имеет прямое отношение к предыдущим жестоким убийствам в Ричмонде. За последние два месяца это уже четвертая молодая женщина, задушенная в собственной постели.

Имя убитой – Лори Энн Петерсен. Она окончила медицинский факультет Гарвардского университета. Последний раз ее видели живой вчера, приблизительно в полночь, выходящей из травматологического отделения больницы после дежурства. Лори Петерсен, скорее всего, сразу поехала домой. Убийство произошло между половиной первого и двумя часами ночи. Маньяк, вероятно, проник в дом через незапертое окно ванной, разрезав москитную сетку...»

И так далее в том же духе. Не обошлось и без фотографий: двое санитаров с носилками выходят из дома, смутная фигура в оливковом плаще спешит к крыльцу. Подпись гласила: «На место преступления прибыла доктор Кей Скарпетта, главный судмедэксперт города».

Люси смотрела на меня округлившимися глазами. Берта проявила предусмотрительность – она спрятала газету, но и Люси оказалась не промах – без труда эту газету нашла. Я не знала, что и сказать. О чем думает десятилетняя девочка, читая подобные статьи, особенно если они сопровождаются фотографией ее любимой тети?

Люси не была посвящена в подробности моей работы. Нечего ей так рано узнавать о самых скверных сторонах жизни. Не хватало еще, чтобы девочка потеряла веру в добро, как ее тетка, которую профессия заставила с головой окунуться в океан жестокости и насилия.

– Прямо как в журнале «Геральд», – пробормотала Люси, немало удивив меня своей информированностью. – Там всегда пишут про убийства. На прошлой неделе полицейские нашли в канале какого-то мужика с отрезанной головой. Наверное, он был очень плохим, раз с ним так обошлись.

– Совсем не обязательно. И даже очень плохому человеку нельзя просто так отрезать голову. К тому же не все люди, которых калечат или убивают, плохие.

– А мама говорит, что все. Она говорит, что хорошего человека не убьют. Убивают только шлюх, наркоторговцев и воров. – Подумав, Люси добавила: – И еще полицейских, когда они пытаются поймать плохого человека.

Что ж, вполне в духе моей сестрицы – внушать ребенку такую чушь. Главное, Дороти и сама верит в то, что говорит. Идиотка!

– Но ведь та женщина, которую сегодня задушили, – неуверенно продолжила Люси, не сводя с меня огромных глаз, – она ведь была доктором. Как же она могла быть плохой? Ты тоже доктор – значит, та женщина была похожа на тебя.

Я глянула на часы – да ведь уже ночь на дворе! – быстро выключила компьютер, взяла Люси за руку и повела ее на кухню.

– Поешь перед сном? – наклонилась я к Люси. Девочка кусала нижнюю губку, в глазах у нее стояли слезы.

– Люси, почему ты плачешь, глупенькая?

Она обняла меня и разрыдалась. Люси вцепилась в меня мертвой хваткой, и единственное, чего мне удалось добиться от нее, были слова:

- Я не хочу, чтобы ты умерла!

Вон оно что! А я-то думала, откуда у девочки эти вспышки гнева, это раздражение. Ее кофточка промокла от слез.

- Все будет хорошо, малышка. - Умнее я ничего не могла придумать, только крепче прижала девочку к себе.

- Тетя Кей, я не хочу, чтобы ты умерла!

- Люси, я не собираюсь умирать.

- Да, а вот папа умер!

- А я не умру, не бойся.

Однако Люси была безутешна. Надо же, какое впечатление произвела на нее эта чертова статья. Да, Люси у нас вундеркинд, у нее интеллект взрослой девушки, но воображение-то детское! Плюс (точнее, минус) такая обстановка в семье.

Главное, я совершенно не представляла, как ее успокоить. В голову полезли мамины упреки. Все-то у меня не как у людей. И даже детей нет. А если бы и были, бедным крошкам пришлось бы все время сидеть одним, потому что их мамочка, видите ли, занята только своей карьерой. «Лучше бы тебе родиться мужчиной, - сказала мама во время очередного бессмысленного разговора со мной. - Вот состаришься - воды некому будет подать, попомни мое слово».

Когда мне бывало скверно, я представляла себя старой и усохшей, тщетно молящей о стакане воды.

Не придумав ничего лучшего, я налила Люси бокал вина, хотя и не была уверена, что поступаю правильно.

Я отвела девочку в спальню, легла с ней в постель, и мы пили вино вместе. Люси устроила настоящий допрос. «Почему одни люди делают больно другим? Это для них вроде игры? Ну, я имею в виду, тот дядя для чего убивает – для развлечения? Как в кино? Но там все понарошку. Может быть, он не понимает, что им больно?»

– Просто некоторые люди злы от природы. – Я тщательно подбирала слова. – Ты же знаешь, что бывают злые собаки, они кусаются просто так. С людьми то же самое. Они злые, и их уже не исправишь.

– Может, это оттого, что их обижали?

– Бывает и так, хотя не всегда. Иногда люди рождаются злыми. И потом, не все, кого обижают, становятся плохими. У человека всегда есть выбор. И если человек злой, значит, он сам решил, что будет злым. Такова жизнь, и с этим ничего не поделаешь.

– Гитлер был злой, – прошептала Люси, сделав большой глоток.

Я погладила ее по голове.

Люси, уже засыпая, продолжала:

– Джимми Грум тоже злой. Он живет на нашей улице. Он стреляет из ружья в птичек, таскает яйца из гнезд и разбивает их об асфальт. Ему нравится наблюдать, как умирают птенцы. Ненавижу его! Ненавижу Джимми Грума! Один раз он ехал на велосипеде, а я бросила в него камнем и попала. Как он взвыл! Только он не знал, что это я, потому что я пряталась за кустом.

Я потягивала вино и гладила Люси по голове.

– Ведь Бог не допустит, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое?

– Конечно нет, милая. Даже не сомневайся.

– Тетя Кей, а если я попрошу Бога позаботиться о тебе, Он это сделает?

– Он обо всех нас заботится, малышка. – Хм, как-то неубедительно это прозвучало...

Люси нахмурилась – наверное, не поверила.

– Тетя Кей, ты ведь ничего не боишься, правда?

– Все чего-нибудь да боятся, Люси. – Я не могла сдержать улыбки. – Но я в полной безопасности. Со мной ничего не случится.

Уже засыпая, Люси пробормотала:

– Тетя Кей, как бы мне хотелось всегда жить у тебя. Тогда бы я стала такой, как ты.

Люси заснула два часа назад. Мне не спалось. Я смотрела в книгу, а видела известно что. Зазвонил телефон.

У меня уже выработался условный рефлекс, как у собаки Павлова. Я мгновенно схватила трубку. Мне казалось, что сейчас я услышу голос Марино, что этот кошмар будет повторяться бесконечно, а прошедшая суббота станет «Днем сурка»[1 - Аллюзия на американскую комедию с элементами фантастики «День сурка» (1993 г., реж. Г. Рэмис; в гл. ролях – Билл Мюррэй и Энди Макдауэлл), где все события Дня сурка (2 февраля) повторяются раз за разом, и кажется, что следующий день, 3 февраля, не наступит никогда. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)].

– Алло!

В ответ – тишина.

– Алло!

В трубке слышалась приглушенная, точно из-под земли сочащаяся музыка – такая обычно служит фоном для фильмов ужасов. Интересно, что это за ужастик показывают с утра пораньше?

Послышались короткие гудки.

– Кофе будешь?

– Буду.

Когда бы я ни пришла в лабораторию Нейлза Вандера, он вместо приветствия спрашивал: «Кофе будешь?» Я всегда была рада подпортить свое здоровье кофеином или никотином, а лучше и тем и другим.

Ни за что не куплю машину без надежной системы безопасности, ни за что не включу зажигание, не пристегнувшись. По всему дому у меня противопожарная сигнализация плюс дорогушая сигнализация от взлома. И еще ненавижу летать на самолете.

А вот кофеин, никотин и холестерин – мои лучшие друзья, и мне наплевать, что они – «чума» XX века. Периодически я посещаю конференции судмедэкспертов – уж, казалось бы, кто лучше представителей нашей профессии знает, что именно губит людей! Однако семьдесят процентов медиков не занимаются йогой, не делают зарядку, ненавидят пешие прогулки, не упускают возможности посидеть лишнюю минутку в удобном кресле или на диване, предпочитают лифт и обходят горы стороной. Треть медиков курит, подавляющее большинство не прочь пропустить стаканчик, и все едят так, словно завтра наступит конец света.

Мы оправдываем свои дурные привычки стрессом, депрессией, дефицитом положительных эмоций. Как говорит моя подруга, помощник начальника полиции в Чикаго: «Жить вообще вредно – от этого умирают». Золотые слова!

Вандер направился к кофемашине. Сто лет он варит мне кофе, а все не может запомнить, что я пью черный.

Мой бывший муж тоже не мог запомнить, что я люблю и чего не люблю. Мы прожили шесть лет, а он так и не усвоил, что кофе я предпочитаю черный, бифштекс – средней прожарки, а не с кровью и не с коричневой коркой. Я уже не говорю об одежде. У меня сорок шестой размер и хорошая фигура, мне идет

практически любой фасон, но я не выношу всякие рюшки, блески, перья и тому подобное. Тони же постоянно покупал мне фривольную одежду сорок четвертого размера. Хотя с собственной матушкой проколов у него не было. Свекровь любила все ярко-зеленое, носила одежду пятидесятого размера, обожала оборки, ненавидела пуловеры, предпочитала молнии, страдала аллергией на шерсть, не желала замораживаться с химчисткой и гладкой, органически не переносила фиолетовых и пурпурных вещей, считала белый и бежевый цвета непрактичными, ни за что не надела бы ничего в горизонтальную полоску или с узором из «огурцов», под страхом смерти не стала бы носить вареную замшу, свято верила, что ей не идет плиссировка, и была равнодушна к карманам – чем больше, тем лучше. И Тони демонстрировал феноменальную память в отношении всех этих подробностей.

Вандер, по своему обыкновению, насыпал по две полные ложки сухих сливок и сахара в обе чашки.

Я никогда не видела Вандера опрятным – вечно он был растрепан, жидкие седые волосы торчали дыбом, халат будто с чужого плеча, заляпан чернилами, которые используют для снятия отпечатков пальцев, карманы на груди оттопырены из-за целой коллекции шариковых ручек и фломастеров. Вандер был высокий, с длинными и костлявыми руками и ногами и непропорционально огромным животом. Голова его по форме напоминала лампочку, в блекло-голубых глазах постоянно отражалась напряженная работа мысли.

Как-то зимой, еще когда я работала здесь первый год, Вандер заехал ко мне в офис вечером специально, чтобы сообщить, что на улице идет снег. На нем был длиннющий красный шарф, на голове кожаный летный шлем – не иначе как из каталога товаров Банановой республики. В таком шлеме Вандер отлично смотрелся бы в кабине истребителя. Мы прозвали Вандера «Летучим голландцем» – он вечно торопился, носился по коридорам со скоростью звука, путаясь в полах халата.

– Ты читала газеты? – спросил Вандер и подул на кофе.

– Их только ленивый не читал, – мрачно отозвалась я.

Воскресная газета оказалась под стать субботней. Заголовок, набранный самым крупным шрифтом, с трудом втискивался в узкие рамки полосы. На боковой

врезке помещалась краткая биография Лори Петерсен, фотографию Эбби тоже выбрала впечатляющую. У Тернбулл хватило наглости и бестактности попытаться взять интервью у родных миссис Петерсен, для чего она не поленилась слетать в Филадельфию – родственники убитой, по всей видимости, послали ее куда подальше, и тогда Эбби в статье назвала их «обезумевшими от горя».

– Хорошую они нам свинью подложили, – проговорил Вандер. – Хотел бы я знать, откуда просачивается информация, – тогда я бы кое-кого подвесил вверх тормашками.

– В Полицейской академии не учат держать язык за зубами – а то на что же копы станут жаловаться? – объяснила я.

– Не думаю, что это копы. А моя жена себя не помнит от страха. Если бы мы жили в городе, она бы сегодня же устроила переезд.

Вандер уселся за свой стол. Об этом столе стоит рассказать отдельно. Там среди залежей распечаток, под толстым слоем фотографий и стикеров всегда можно найти бутылку пива или кусок кафельной плитки с засохшим следом окровавленной подошвы – это, оказывается, вещдоки, ранее аккуратно упакованные в герметичные пакеты. На столе валяются – правда, в разных углах – с десятков коробочек с формалином, в каждой из которых находится обуглившийся отпечаток пальца, отрезанный точно на второй фаланге. В случае, если труп успел разложиться или сильно обгорел, отпечатки пальцев для установления личности добыть непросто, и обычные методы тут не годятся. Венчает этот бардак флакон крема для рук на вазелиновой основе.

Вандер намазал руки и надел хлопчатобумажные перчатки. У него была чувствительная кожа, а ведь ему постоянно приходилось возиться с ацетоном и ксиленом и полоскаться в воде. Порой Вандер так увлекался выявлением скрытых отпечатков пальцев, что начинал работать с нингидрином, не надев перчаток, а потом целую неделю ходил с багровыми руками. Он закончил свои процедуры, и мы отправились на четвертый этаж.

Там у нас помещалась лаборатория с компьютерами. Количество последних, а также неземная стерильность помещения наводили на мысли о космическом корабле. Прибор, более всего напоминавший ряд умывальников и сушилок для

рук, был не чем иным, как устройством для идентификации отпечатков пальцев, способным найти конкретные отпечатки в обширной базе данных, хранящейся на магнитных дисках. Эта штукавина сличала восемьсот отпечатков в секунду. Вандер не любил сидеть без дела, ожидая результатов. Обычно он задавал программу и оставлял компьютер работать на всю ночь – мой коллега утверждал, что так у него есть стимул встать рано утром и поехать на работу.

Основную часть поисков Вандер закончил уже в субботу: он увеличил снимки найденных нами отпечатков в пять раз, каждый снимок снабдил листом кальки, отметил фломастером наиболее заметные характеристики и все это отсканировал. Затем Вандер вернул снимки в масштаб «один к одному». Он переместил снимки на схему и загрузил последнюю в компьютер. Теперь оставалось только кликнуть на иконку «печатать».

Вандер уселся в кресло с достоинством пианиста перед ответственным концертом. Мне даже показалось, что он грациозно откинул полы лаборантского «фрака» и возложил музыкальные пальцы в перчатках на клавиатуру. Его роялем были монитор, сканер и процессор для идентификации отпечатков пальцев. Сканер, помимо всего прочего, считывал образцы отпечатков, которые обычно берут у подозреваемых. И вот процессор сразу выдал все характеристики.

Вандер распечатал длиннющий список подозреваемых и разделил его на десять частей, отметив фамилии тех личностей, с которыми уже имел дело.

Нас особенно интересовал идентификационный номер 88-01651 – именно он был присвоен отпечаткам пальцев, найденным на теле Лори Петерсен.

При сличении на компьютере «пальчиков» используется та же лексика, что и на политических выборах. Лица из базы данных, для которых вероятность идентичности их отпечатков и отпечатков, найденных на месте преступления, весьма велика, называются кандидатами, их классифицируют по количеству совпадений в рисунках папиллярных линий: каждое совпадение – это «голос». В нашем случае оказался только один «кандидат», он набрал более тысячи «голосов». Попался, голубчик.

У Вандера от возбуждения случился приступ красноречия.

– Мы сделали это! Мы его вычислили! Ай да мы! – кричал он.

Победитель носил ничего нам не говоривший номер NIC112.

Часто говоря, я не ожидала, что мы так быстро его идентифицируем.

– Выходит, отпечатки, оставленные на теле жертвы, уже есть в базе данных?

– Именно так, – ответил Вандер.

– Значит, у этого типа криминальное прошлое?

– Не исключено, но это совсем не обязательно, – сказал Вандер, начиная проверку данных. Несколько секунд он смотрел на монитор, потом добавил: – Возможно, у него взяли отпечатки, когда он оформлял лицензию на вождение такси.

Вандер задал программу поиска. На экране появилась таблица с указанием пола кандидата, его расовой принадлежности, даты рождения и прочих данных.

– На. – Вандер протянул мне распечатку.

Я уставилась в таблицу. Перечитала ее несколько раз.

Жаль, что с нами не было Марино.

Если верить компьютеру – а он не ошибается, – отпечатки пальцев на плече Лори Петерсен принадлежали Мэтту Петерсену, ее мужу.

В том, что Мэтт Петерсен прикасался к телу жены, ничего удивительного я не видела – вполне естественно, что человек, найдя возлюбленную мертвой, отказывается верить своим глазам, трясет ее, словно пытаюсь разбудить.

Странно было другое. Во-первых, отпечатки удалось выявить, потому что на пальцах того, кто прикасался к миссис Петерсен, оказались «блестки». Во-вторых, образцы отпечатков Мэтта Петерсена еще не доставили в лабораторию. Следовательно, они уже имелись в базе данных, раз компьютер их идентифицировал.

Не успела я попросить Вандера посмотреть, в какое время и при каких обстоятельствах у Петерсена брали отпечатки пальцев, как ввалился Марино.

– Ваша секретарша сказала, что вы наверху, – буркнул детектив вместо «здрасьте» – он, как всегда, был весьма любезен.

Доблестный сержант жевал глазированный пончик, явно прихваченный у Розы – та всегда по понедельникам приносила целую упаковку. Марино оглядел компьютеры и всучил мне конверт из грубой коричневой бумаги:

– Извини, Нейлз, но доктор Скарпетта первая их попросила.

Вандер с интересом наблюдал, как я открываю конверт. Внутри оказался пластиковый пакет с образцами отпечатков Мэтта Петерсена. Образцы следовало отправить в лабораторию, а не отдавать мне лично в руки – теперь Вандер мог подумать, что я его подсиживаю. Марино не прочь втянуть меня в интригу – что ж, прекрасно. Ничего, я ему это припомню.

Я сразу придумала, что сказать Вандеру:

– Просто я не хотела, чтобы конверт валялся у тебя на столе без присмотра. Петерсен предположительно пользовался в тот вечер театральным гримом. Если у него на руках были остатки грима, они, возможно, окажутся и на карточке с отпечатками.

У Вандера округлились глаза. До него дошло.

– Мы сейчас же включим лазер.

Марино стал мрачнее тучи.

– А что у нас с походным ножом? – спросила я нежнейшим голоском.

Марино извлек из-за пазухи еще один конверт – у него их была целая пачка, судя по оттопыренной куртке.

– Вот. Как раз нес его Фрэнку.

– Давайте с ножа и начнем, – предложил Вандер.

Он сделал еще одну распечатку характеристик кандидата номер NIC112 и вручил ее Марино.

Тот аж присвистнул: дескать, а я что говорил! И смерил меня торжествующим взглядом. Я, впрочем, этого ожидала. В тусклых глазках Марино ясно читалось: «Ну что, госпожа начальница, съели? Я, может, университетов и не кончал, зато в таких делах смыслю побольше вашего».

Над Мэттом Петерсеном явно сгущались тучи, а ведь было ясно как день, что он не убивал ни своей жены, ни остальных женщин. Их убил некто, пока нам неизвестный.

Пятнадцать минут спустя Вандер, Марино и я сидели в темной комнате, смежной с лабораторией, и пытались найти следы грима или «блесток» на отпечатках пальцев Петерсена и на его ноже. Было темно, хоть глаз выколи, да еще Марино терся своим пузом о мой локоть. Действительно, на «пальчиках» Мэтта оказались «блестки». Они обнаружили и на рукоятке ножа, сделанной из каучука, – слишком грубого материала, чтобы на нем оставались отпечатки.

На широком, идеально гладком лезвии ножа тоже оказалось несколько еле различимых, смазанных «пальчиков». Вандер посыпал их магнитным порошком, направил на них луч лазера, а потом посмотрел на отпечатки на карточке. Вандер – профессионал, ему одного взгляда было достаточно, чтобы сличить что угодно с чем угодно.

– Несомненно, отпечатки на ноже принадлежат Петерсену, – провозгласил он.

Вандер выключил лазер, и на мгновение мы оказались в полной темноте. Зажегся верхний свет, и нас ослепили ярко-белые пластиковые панели.

Я надела защитные очки и попыталась урезонить Марино, пока Вандер возился с лазером.

– Поймите, отпечатки на ноже ничего не доказывают. Нож принадлежит Петерсену – ясно, что он время от времени берет его в руки. А насчет «блесток» – да, очевидно, что у Петерсена в ту ночь руки были в каком-то веществе, но мы пока не можем с уверенностью сказать, что именно это вещество находили на телах остальных жертв, да и на теле Лори Петерсен в других местах. Нам еще нужно рассмотреть образцы «блесток» и вещества с пальцев Петерсена под инфракрасным излучением и под микроскопом.

– Да ладно, – не поверил Марино. – Вы хотите сказать, что у Петерсена и маньяка руки были в разной дряни, а под лазером эта дрянь выглядит одинаково?

– Под лазером, к вашему сведению, почти все вещества выглядят очень похоже. Если вещество вообще реагирует на лазерный луч, оно наверняка будет светиться, как белые неоновые огни. – Я сдерживалась, как могла.

– Очень может быть. Но согласитесь, далеко не у всех руки намазаны черт-те чем.

Я согласилась.

– По-вашему выходит, что у Мэтта случайно оказались на руках «блестки».

– Вы ведь сами говорили, что он вернулся с генеральной репетиции.

– Я только повторил его слова.

– Нужно взять пробы грима, которым Мэтт пользовался в пятницу.

Марино одарил взглядом, полным презрения.

Компьютеры у нас стояли на втором этаже, один из них – в моем кабинете. Он был подсоединен к главному компьютеру в холле, но на нем можно было работать, по крайней мере в «Ворде», даже если главный компьютер «зависал».

Марино принес две дискеты, обнаруженные в спальне Петерсенов. Сейчас мы с ним пытались их открыть.

На одной оказалась диссертация Мэтта Петерсена на тему «Теннесси Уильямс: секрет успеха пьес, в которых за показным аристократизмом и благородством героев скрывается их стремление к доминированию над другими посредством насилия, агрессии и грубого секса».

Довольный Марино, заглядывая мне через плечо, выдал:

– Что и требовалось доказать. Теперь понятно, почему он аж позеленел, когда я сказал, что забираю дискеты. Да сами посмотрите.

Я стала быстро «листать» страницы. Замелькали слова «гомосексуальность», «каннибализм», обрывки спорных трактовок этих явлений в интерпретации Уильямса. Бросились в глаза ссылка на Стэнли Ковальски[2 - Персонаж пьесы Т. Уильямса «Трамвай “Желание”».] и упоминание жиголо-кастрата из «Сладкоголосой птицы юности»[3 - Пьеса Т. Уильямса.]. Не нужно было быть телепатом, чтобы прочесть мысли Марино, примитивные, как первая страница бульварной газеты. Он считал все эти «высокие» отношения не более чем сюжетом для порнофильма, учебным пособием для психопатов, вызывающим у них новые извращенные фантазии. Для Марино не существовало никакой разницы между улицей и сценой, каждый спектакль он воспринимал как очередное дело.

Ведь ясно же, что люди вроде Петерсена или самого Уильямса, интересующиеся грязными сторонами жизни, сами никогда ничего подобного не делают.

Я смерила Марино уничтожающим взглядом.

– А что бы вы сказали, если бы выяснилось, что Петерсен посещает воскресные службы?

Марино пожал плечами и посмотрел, по своему обыкновению, сквозь меня.

– Вряд ли в церкви читают проповеди о сексуальных извращениях.

– Об изнасилованиях, расчлененке и проституции там тоже не говорят. А что касается литературы... Даже Трумен Капоте[4 - Трумен Гарсия Капоте (1924–1984) – американский писатель-прозаик.] не был серийным убийцей. Не так ли, сержант?

Марино отвернулся от экрана и уселся на стул позади меня. Я крутанулась на компьютерном кресле, чтобы посмотреть на него. Обычно Марино, когда заходил ко мне в кабинет, ни за что не хотел садиться – ему больше нравилось стоять у меня над душой. Но теперь он почему-то сел, и мы могли беседовать, глядя друг другу в глаза. Наверное, Марино решил у меня задержаться.

– Давайте-ка распечатаем петерсеновскую диссертацию – будет что почитать на сон грядущий. – Марино натянуто улыбнулся: – А вдруг там есть выдержки из маркиза де Сада?

– Маркиз де Сад был француз.

– Какая разница?

Бывают же такие тупицы! Интересно, что бы сделал Марино, если бы убили жену какого-нибудь судмедэксперта? Полез бы шарить по книжным полкам, забитым томами по истории криминалистики? Уж там он бы нашел более чем достаточно доказательств вины мужа. Согласно его теории, конечно.

Не спуская с меня прищурившихся глаз, Марино зажег сигарету и затянулся. Он держал паузу, выпуская в потолок длинную струйку дыма.

– Не могу понять, почему вы симпатизируете Петерсену. Признайтесь, все дело в том, что он актер и окончил университет?

– Никому я не симпатизирую. Мне ничего не известно о Петерсене, но я совершенно уверена, что он не душил ни свою жену, ни остальных женщин.

Марино сделал умное лицо.

– А вот я кое-что о нем знаю. Я его несколько часов допрашивал. – Сержант извлек из кармана своего клетчатого драпового пиджака две микрокассеты и положил их на стол. Я тоже закурила.

– Вот послушайте, как все было. Мы с Беккером и Петерсеном торчим в кухне. Полицейская машина только что уехала. И не успела она отчалить вместе с телом, как – что бы вы думали? – Петерсена точно подменили. Он уже сидит прямо, говорит четко, да еще и жестикулирует, будто на сцене! Я просто обалдел! То у него скупая мужская слеза покажется, то голос задрожит, то он бледнеет, то краснеет. Ну, думаю, это уже не допрос, это спектакль!

Марино откинулся на спинку стула и ослабил узел своего знаменитого галстука.

– Смотрю я, значит, на Петерсена, а сам думаю: где я это видел? Уж очень похож он был на Джонни Андретти – я его допрашивал в Нью-Йорке. Тоже, бывало, сидит, весь из себя: костюм шелковый, сигареты импортные – элегантный, черт его подери! До того, паршивец, обаятельный, что невозможно представить, что он больше двадцати человек замочил. А то еще был такой Фил-сутенер – тот колотил своих шлюшек вешалками и двух забил до смерти, а потом лил крокодиловы слезы в своем ресторане, а ресторан-то – только прикрытие для его бизнеса. Так переживал за своих «девочек», бедняга, все меня просил: «Пит, поймайте этого негодяя, это животное. Попробуйте наше кьянти, Пит. Вам понравится». Я к чему клоню: таких, как Петерсен, я уже немало повидал. И попомните мое слово: он нарочно стрелки переводит, как и Андретти, и Фил. Он думает, раз я в Гарварде не учился, так, значит, поведусь на его паршивую комедию. Ха! Не дождется!

Не реагируя на тираду Марино, я вставила кассету в плеер.

Детектив одобрительно кивнул.

– Акт первый, сцена первая. Кухня в доме Петерсенов. Главный герой – Мэтт. Роль – трагическая. Бледный, глаза запали. Он в ударе. Что делаю я? Я смотрю спектакль. Сроду не был в Бостоне и не отличу Гарвард от сортира, но, верите ли, тут прямо-таки воочию увидал всю его гребаную альма-матер.

Марино замолчал, потому что раздался голос Петерсена. Сержант опоздал на несколько секунд включить диктофон, и первая часть фразы оказалась «съедена». Петерсен рассказывал о Гарварде, видимо отвечая на вопрос о том, как они с Лори познакомились. Мне в свое время тоже приходилось проводить допросы, я знала, как это делается, но тут, кажется, чего-то не догоняла. Какая разница, где и когда Петерсен познакомился со своей женой? Какое отношение к убийству имеют обстоятельства развития их романа? Однако внутренний голос подсказывал мне, что это действительно важно.

Марино тщательно взвешивал каждое слово Петерсена, Марино пытался найти хоть какую-то зацепку, хоть какой-то намек на его одержимость или склонность к извращениям, а еще лучше – доказательства того, что Петерсен – психопат.

Я закрыла дверь. Тихий голос на пленке продолжал:

«...я уже несколько раз видел ее в кампусе. Она всегда была отрешенной, держала в руках стопку учебников. И все время куда-то торопилась».

Марино: «Мэтт, а почему вы обратили внимание на Лори? Потому что она блондинка?»

Петерсен: «Конечно нет. То есть не только поэтому... В ней, понимаете ли, было что-то загадочное, что привлекает на расстоянии. Это трудно объяснить. Может быть, все дело в том, что Лори постоянно была одна, постоянно торопилась и не обращала ни на кого внимания. Точно преследовала какую-то только одной ей видимую цель. Она меня заинтриговала».

Марино: «И часто с вами такое случается? Я имею в виду, часто ли вас заинтриговывают на расстоянии привлекательные женщины?»

Петерсен: «Нет. То есть не чаще, чем всех остальных. Но с Лори все было иначе».

Марино: «Ну-ну, продолжайте. Как вы с ней познакомились?»

Петерсен: «Это случилось весной, в начале мая. Мы встретились на вечеринке, которую устраивал приятель моего соседа по комнате. Этот парень жил в городе, а не в кампусе. Оказалось, что они вместе с Лори работают

в лаборатории, поэтому она тоже была приглашена. Лори пришла примерно в девять – я как раз собирался уходить. Тим – ну, тот парень, с которым она работала, – открыл для нее пиво, и они начали разговаривать. А прежде я ни разу не слышал ее голоса. У Лори оказалось конральто, очень мягкое, очень приятное. Ее голос будто гладил по шерсти, если вы понимаете, о чем я. Услышав такой голос, сразу начинаешь искать, кому он принадлежит. Лори рассказывала какие-то байки об одном профессоре, все вокруг смеялись. И так всегда бывало: стоило Лори открыть рот, как окружающие замолкали и слушали только ее».

Марино: «Другими словами, с вечеринки вы не ушли. Вы увидели Лори и решили остаться».

Петерсен: «Именно так».

Марино: «Расскажите, как Лори тогда выглядела».

Петерсен: «Волосы у нее были длиннее, она их высоко закалывала, как балерина. Она была намного тоньше и очень, очень хороша собой».

Марино: «Значит, вам нравятся стройные блондинки. Это ваш тип женщин».

Петерсен: «Просто она казалась мне очень привлекательной. И дело не только во внешности. Лори была умница. Такую женщину нечасто встретишь».

Марино: «Ну-ну, продолжайте».

Петерсен: «Что вы имеете в виду?»

Марино: «Просто хочу понять, что вас привлекло в Лори. – Пауза. – «Мне просто интересно».

Петерсен: «Ну, как вам объяснить? Любовь – это загадка. Никогда не знаешь, почему нравится один человек и не нравится другой. Вдруг встречаешь женщину, и в тебе все переворачивается. И не можешь объяснить почему. Думаю, человеку не дано этого знать – в этом-то вся суть».

Снова пауза, на сей раз длинная.

Марино: «То есть вы хотите сказать, что Лори была из тех женщин, которые сразу привлекают внимание?»

Петерсен: «Именно. Причем в любой обстановке. Не важно, сидели мы с ней в кафе или приходили на вечеринку к друзьям – она тут же оказывалась в центре внимания. Мне до нее было далеко. Но я не обижался. Наоборот: мне это нравилось. Я обычно помалкивал, смотрел на Лори и пытался понять, почему люди так тянутся к ней. У нее была харизма. А харизма такая штука: она либо есть, либо нет».

Марино: «Вы говорите, что, когда вы видели Лори в кампусе, она ни на кого не обращала внимания. А вообще она легко сходилась с людьми? Могла она сама заговорить с незнакомцем – например, в магазине или на заправке? Могла пригласить в дом посыльного или заболтаться с почтальоном?»

Петерсен: «Боже упаси. Лори никогда не разговаривала с незнакомыми людьми, никогда не впустила бы в дом ни посыльного, ни кого другого. Тем более если была одна, без меня. Одно время она жила в Бостоне и привыкла быть начеку. К тому же Лори работала в хирургии, а туда такие экземпляры поступают, только держись. Она ни за что не открыла бы дверь незнакомцу. А когда начались эти убийства, Лори вообще покой потеряла. Вы бы видели, как мы расставались по воскресеньям! Лори чуть не плакала! Она и прежде не любила ночевать одна, а тут просто начала бояться».

Марино: «Получается, она должна была проверять все замки, в том числе и на окнах, когда ложилась спать».

Петерсен: «Я ей говорил об этом. Наверное, она думала, что окно закрыто».

Марино: «Но ведь это вы не заперли окно ванной!»

Петерсен: «Я не помню, запер я его или нет. Просто это единственное объяснение, какое приходит мне в голову».

Беккер: «А Лори случайно не говорила, что кто-то ошивается около дома или что видела какого-нибудь подозрительного типа? Припомните, пожалуйста: любая мелочь может оказаться зацепкой. Может, она заметила на улице чужую машину? Может, к ней кто-то приставал?»

Петерсен: «Нет, ничего такого Лори не рассказывала».

Беккер: «А она вообще стала бы вам рассказывать о подобных вещах?»

Петерсен: «Разумеется. У Лори не было от меня тайн. Пару недель назад ей послышался какой-то шум во дворе, – так она тут же позвонила в полицию. Приехала патрульная машина. Оказалось, это кошка катала консервную банку. В общем, Лори всегда была со мной откровенна».

Марино: «Чем она еще занималась, помимо работы?»

Петерсен: «У Лори было мало друзей. В основном она общалась с двумя девушками – они вместе работали в больнице. С ними Лори иногда выбиралась перекусить или прошвырнуться по магазинам. Иногда они ходили в кино. Но в целом Лори было не до развлечений. После смены она сразу ехала домой. Лори постоянно занималась, иногда играла на скрипке. По будням у нее просто не оставалось времени, а на выходные она ничего не планировала, чтобы побыть со мной – мы всегда проводили субботу и воскресенье вместе».

Марино: «Последний раз вы видели вашу жену в прошлое воскресенье?»

Петерсен: «Да, в воскресенье днем, около трех, – потом я уехал в Шарлотсвилл. День был дождливый, мы никуда не пошли. Сидели дома, пили кофе, разговаривали...»

Марино: «Как часто вы перезванивались в течение недели?»

Петерсен: «При любом удобном случае».

Марино: «Последний раз вы разговаривали по телефону в четверг вечером?»

Петерсен: «Я позвонил Лори и предупредил, что немного задержусь, потому что у нас генеральная репетиция. В эти выходные у нее не было дежурства. Мы собирались поехать на пляж, если погода позволит».

Пауза. Петерсен, видимо, старался взять себя в руки.

Марино: «А она вам не говорила, что у нее какие-то проблемы? Может, заметила что-нибудь необычное? Может, кто-то звонил ей на работу или домой?»

Пауза.

Петерсен: «Нет, ничего такого. Лори была веселая, смеялась. Говорила, как здорово было бы наконец выбраться на пляж. Она так ждала этой поездки!»

Марино: «Мэтт, расскажите о вашей жене поподробнее. Нам каждая мелочь может пригодиться. Например, кто ее родители, какой у нее был характер, к чему она стремилась?»

Петерсен, глухо и словно по бумажке: «Лори родилась в Филадельфии, ее отец – страховой агент. У Лори два брата, оба младше ее. Она всегда хотела только одного – стать врачом. Говорила, что это ее призвание».

Марино: «А какая именно область медицины ее привлекала?»

Петерсен: «Пластическая хирургия».

Беккер: «Ага, вот это уже интересно. Почему именно пластика?»

Петерсен: «Когда Лори было лет десять, ее мать заболела раком груди. Ей полностью удалили грудь. Мать Лори выжила, но, кажется, перестала видеть в себе женщину после этой операции. Она, наверное, думала, что всем теперь противна, что никому больше не нужна. Лори иногда говорила об этом. Вот почему она решила стать пластическим хирургом».

Марино: «А еще ваша жена играла на скрипке».

Петерсен: «Да».

Марино: «Она когда-нибудь участвовала в концертах? А может, она играла в оркестре?»

Петерсен: «Не знаю, разве что когда училась в школе. Я же говорю, у нее совершенно не было времени».

Марино: «Вот вы заняты в спектакле. А ваша жена любила театр? Как она относилась к вашему увлечению?»

Петерсен: «Лори обожала театр. Меня это сразу в ней подкупило, еще когда мы только-только познакомились. Мы ушли с вечеринки, ну, с той самой, и несколько часов бродили по улицам. Я стал ей рассказывать, что хожу на курсы актерского мастерства, и сразу понял, что она разбирается в театральном искусстве. Мы разговорились о театре. Я тогда был занят в пьесе Ибсена, и беседа у нас сама собой перешла на такие материи, как реальность и иллюзия, благородство и подлость, личность и общество. В творчестве Ибсена, если вам это о чем-нибудь говорит, одна из ведущих тем – отчуждение от родных, от дома. Ее-то мы и обсуждали. И вот тут Лори меня удивила. Никогда не забуду, как она со смехом сказала: «Вы, люди искусства, думаете, будто только вы одни и разбираетесь в таких вещах. А ведь все остальные тоже чувствуют опустошенность, тоже бывают одиноки. Только мы, простые смертные, не умеем выразить своих ощущений. Потому и страдаем. Причем я уверена, что все люди чувствуют примерно одно и то же – независимо от национальности, социального положения и тому подобного». Мы заспорили – по-дружески, ни о какой ссоре и речи не шло. Я не соглашался с Лори. Я говорил, что есть люди с более тонкой душевной организацией, что есть чувства, недоступные большинству, и вообще у каждого разная чувствительность. Вот поэтому-то каждый человек в душе одинок...»

Марино: «Вы действительно так считаете?»

Петерсен: «Я так воспринимаю мир. Я не всегда разделяю чувства другого, но я всегда могу понять эти чувства. Меня ничем не удивишь – ведь я изучал литературу, актерское мастерство и чего только не начитался и не посмотрелся! Влезать в чужую шкуру – моя профессия. Чтобы сыграть роль, я должен научиться чувствовать, как мой персонаж, – только тогда поступки этого персонажа в моем исполнении будут казаться естественными. Но, конечно, я не «вселяюсь» в своих персонажей, и если я что-то и проповедую со сцены, совсем

не обязательно разделяю эти убеждения. Мне кажется, я потому считаю себя не таким, как все, что хочу испытать в жизни все, весь спектр человеческих эмоций, понять каждого человека, побывать на месте каждого».

Марино: «А чувства человека, который сделал такое с вашей женой, вы тоже можете понять?»

Молчание.

Петерсен, едва слышно: «Господи, нет, конечно».

Марино: «А вы в этом уверены?»

Петерсен: «Уверен. Уверен, что не могу понять. И не хочу!»

Марино: «Мэтт, я отдаю себе отчет, что вам страшно об этом думать. Но попытайтесь. Представьте, что репетируете роль маньяка-убийцы. Каким он должен быть?»

Петерсен: «Не знаю! Я не хочу играть такого отморозка!» Тут голос Мэтта сорвался, и внезапно ярость, видимо давно уже накопившаяся у него на Марино, вырвалась наружу: «Не понимаю, зачем вы меня об этом спрашиваете! Чертовы копы! Это вы должны вычислить убийцу, вы, а не я!»

И он замолчал.

Пленка продолжала мотаться, но ничего, кроме кашля Марино и скрипа стульев, не было слышно.

Наконец раздался голос Марино: «Беккер, у вас случайно нет запасной кассеты?»

Неожиданно Петерсен (явно сквозь слезы) пробормотал: «У меня есть кассеты, но они в спальне».

«Мы будем вам очень признательны», – холодно произнес Марино.

Через двадцать минут Мэтт Петерсен стал рассказывать о том, как обнаружил тело своей жены.

Это был кошмар. Голос заполнил кабинет, и мое воображение разбушевало не на шутку.

Петерсен: «Да, уверен. Нет, я не перезванивал. У нас с Лори это не было заведено. Я просто сразу поехал домой – нигде не задерживался, ни с кем не разговаривал. Репетиция закончилась, я сдал костюм и поехал. Было примерно полпервого. Я очень торопился – я ведь не видел жену целую неделю.

Я приехал около двух. Мне сразу бросилось в глаза, что в доме не горит свет. Я решил, что Лори уже спит. У нее очень напряженный график... был. Полсуток на работе, сутки дома. Кто такое выдержит? А в эту пятницу она работала до полуночи. А в субботу, то есть сегодня, должна была отдыхать... Завтра она заступила бы на дежурство в полночь – и до двенадцати дня в понедельник. Вторник – выходной, среда – дежурство с полудня до полуночи. И так все время.

Я сам открыл дверь и включил свет в гостиной. Все выглядело как обычно. И, знаете, хоть у меня в тот момент еще не было причин волноваться, я отметил, что свет в холле выключен. Лори всегда оставляла свет для меня, потому что я сразу шел в спальню. И если Лори не чувствовала себя совершенно разбитой – а это случалось редко, – то мы сидели на кровати, пили вино, разговаривали почти до утра, а потом спали до обеда.

В спальне меня сразу же что-то насторожило. Было темно, хоть глаз выколи, но я все равно почувствовал что-то неладное. Видимо, так чувствуют животные. И еще мне казалось, что в спальне какой-то странный запах. Я не мог понять, чем это пахнет, и это только еще больше смутило меня».

Марино: «Что за запах?»

Молчание.

Петерсен: «Сейчас. Я пытаюсь вспомнить. Запах был слабый, едва уловимый, но все-таки он был... Неприятный такой, похожий на аромат гнилых фруктов. Я не

мог взять в толк, откуда он появился».

Марино: «Похож на запах пота или спермы?»

Петерсен: «Похож, да. Но все-таки это было что-то другое. Более сладкое, более противное. Причем этот запах сразу бил в ноздри».

Беккер: «А раньше вы что-нибудь подобное ощущали?»

Пауза.

Петерсен: «Нет. Кажется, нет. Запах был очень слабый, хотя, может, я его так явственно почувствовал потому, что в первый момент ничего не видел и не слышал. У меня из всех чувств работало только обоняние, и запах сразу ударил мне в нос. И я подумал... ну, то есть не подумал, конечно, это все произошло очень быстро, только в голове на мгновение мелькнуло: наверное, Лори что-то ела уже в постели. Что-то сладкое, вроде вафель с сиропом или оладий. Мне даже пришло в голову, что ее стошнило: она часто ходила в третьесортные забегаловки и покупала всякую жирную дрянь – могла и отравиться. Лори, когда нервничала, начинала есть что попало. А когда я начал ездить в Шарлотсвилл, она распустилась, постоянно ела сладкое и сильно располнела...»

Петерсен едва сдерживал рыдания.

«Запах был тошнотворный, будто Лори весь день пролежала в постели с отравлением. Я еще надеялся, что именно поэтому и свет был выключен».

Тишина.

Марино: «Мэтт, продолжайте».

Петерсен: «Я постепенно привык к темноте, но не верил своим глазам. Я разглядел кровать, но не мог поверить, что это наша с Лори кровать, потому что покрывало так странно свисало. И тут я увидел Лори. Она лежала в этой ужасной позе совсем голая. Я сразу все понял сердцем, а вот в голове страшная правда еще не укладывалась. Включил свет, и последняя надежда исчезла. Я выл, но не слышал собственного голоса, как будто вой бился в черепной

коробке и не мог вырваться наружу. Мне казалось, что у меня сейчас голова лопнет и мозги брызнут во все стороны. Простыня была окровавлена, из носа и рта у Лори еще текла кровь. А потом я увидел ее лицо. Я не мог поверить, что у человека вообще может быть такое лицо. Будто маска. Будто издевательская гримаса судьбы...»

Марино: «Мэтт, а что вы сделали, когда увидели вашу жену? Вы к ней прикасались? Вы трогали что-нибудь в спальне?»

Петерсен прерывисто дышал. Лишь через несколько минут снова раздался его голос: «Нет, то есть да. Я прикасался к ней. Бессознательно. Я просто коснулся ее плеча, ее руки. Может быть, я обнимал Лори, не помню. Она была еще теплая. Я хотел прощупать пульс и не смог найти ее запястья. Потому что руки у нее были связаны за спиной, и она на них лежала. Тогда я стал искать пульс на сонной артерии на шее и нащупал удавку. Кажется, я прикладывал ухо к ее груди, чтобы услышать сердце. Я знал, понимаете, знал, что она мертва, однако еще на что-то надеялся. Я отказывался понимать, что ничего не поправишь, хотя ее вид не вызывал сомнений в том, что она мертвая. Я побежал на кухню. Я не помню, что говорил по телефону, не помню даже, как набирал «911». Но знаю, что позвонил в полицию. А потом ходил по дому, просто ходил из спальни в коридор и обратно. Я прислонялся к стене, и плакал, и говорил с Лори. Я разговаривал с Лори, пока не приехала полиция. Я просил ее не умирать. Понимаете, я подходил к кровати и просил ее не умирать, а сам все прислушивался, не идет ли кто. Этому не было конца...»

Марино: «Вы не пытались развязать провода? Вы вообще прикасались к проводам или еще к чему-нибудь? Можете вспомнить?»

Петерсен: «Нет, то есть не могу вспомнить. Нет, кажется, не прикасался. Что-то меня останавливало. Я хотел накрыть Лори, но мне как будто кто-то сказал: “Не делай этого, это помешает полиции”».

Марино: «У вас есть нож?»

Молчание.

Марино: «Нож, Мэтт. Мы нашли походный нож с точильным камнем на ножнах и компасом, вмонтированным в рукоятку. Это ваш?»

Петерсен проговорил в замешательстве: «Ах нож... Да, это мой. Я его купил несколько лет назад. Заказал по почте за пять долларов девяносто пять центов или что-то около того. Одно время я часто выезжал на природу и тогда им пользовался. Там в рукоятке леска и спички...»

Марино: «Где вы последний раз видели нож?»

Петерсен: «На столе. Лори, кажется, вскрывала им письма. По крайней мере, последние несколько месяцев нож валялся на столе. Может, Лори чувствовала себя увереннее, если нож был под рукой, – ну, когда ночевала одна. Я ей предлагал завести собаку, но у нее аллергия... была...»

Марино: «Если я вас правильно понял, последний раз вы видели нож на столе. То есть в прошлые выходные, когда вы меняли москитную сетку в ванной, нож лежал на виду?»

Молчание.

Марино: «А вы случайно не знаете, зачем вашей жене было убирать нож, например, запихивать его в комод? Она когда-нибудь раньше так поступала?»

Петерсен: «Кажется, нет. Нож все время был на столе, возле лампы».

Марино: «В таком случае объясните, как нож оказался в ящике комода, под свитерами, рядом с коробкой с презервативами. В вашем ящике, кстати сказать».

Молчание.

Петерсен: «Не знаю. А вы его именно там нашли?»

Марино: «Именно там».

Петерсен: «Насчет презервативов. Они там сто лет лежат». Нервный, прерывающийся смешок. «Я их покупал еще до того, как Лори начала принимать противозачаточные таблетки».

Марино: «А вы в этом уверены? Я имею в виду, вы использовали презервативы только с вашей женой?»

Петерсен: «Разумеется. Лори стала принимать гормональные где-то через три месяца после свадьбы. А поженились мы как раз перед тем, как сюда переехать. Еще и двух лет не прошло».

Марино: «Мэтт, поймите меня правильно. Я должен задать вам несколько вопросов личного характера. Не подумайте, что я хочу поставить вас в неловкое положение. У меня свои причины. Мы должны кое-что выяснить, для вашей же пользы. Договорились?»

В тишине было слышно, как Марино щелкнул зажигалкой.

«Значит, договорились. Итак, презервативы. Скажите, Мэтт, у вас были женщины на стороне?»

Петерсен: «Да как вы можете?!»

Марино: «Но вы ведь целую неделю проводили без жены. Я бы на вашем месте не выдержал».

Петерсен: «А я на своем выдерживал. Мне никто, кроме Лори, не был нужен».

Марино: «Может, у вас были отношения с какой-нибудь актрисой из вашей труппы?»

Петерсен: «Да нет же!»

Марино: «А что это вы так бурно реагируете? Все мы люди... А вам, наверное, женщины сами на шею вешаются – с вашей-то внешностью. Да вам сам бог велел завести интрижку. Каждый, как говорится, «имеет право на лево». Но если вы с кем-то встречались, вы должны нам обо всем рассказать. Возможно, тут присутствует какая-то связь».

Петерсен, чуть слышно: «Я же вам сказал, у меня никого не было, кроме Лори. И никакой тут связи нет, если только вы не собираетесь обвинить во всем меня».

Беккер: «Мэтт, никто вас ни в чем не обвиняет».

Раздался скрежет: возможно, передвинули пепельницу.

Марино продолжал: «Когда последний раз вы занимались сексом со своей женой?»

Молчание.

Петерсен, дрожащим голосом: «Боже».

Марино: «Я понимаю, это ваше личное дело. Но у нас есть причины задавать вопросы подобного рода».

Петерсен: «Утром в прошлое воскресенье».

Марино: «Мэтт, вы, надеюсь, понимаете, что нам, кроме отпечатков ваших пальцев, понадобятся ваши кровь и сперма на анализ. Мы должны все выяснить, сравнить – только тогда ситуация прояснится...»

На этом пленка оборвалась. Марино нажал на перемотку и сказал:

– После допроса мы отвезли Петерсена куда следует и составили протокол. Бетти уже исследует его кровь.

Я машинально кивнула. Был час дня. Меня тошнило.

– Ну и каково? – зевнул Марино. – Я же говорил, что этот любящий муженек не так прост. Ну, разве может нормальный человек через час после того, как нашел свою жену в таком виде, заливаться соловьем? Нормальные люди в таких случаях двух слов не свяжут. А этот распинался бы до второго пришествия, если б я ему позволил. Попомните мое слово, Петерсен – скользкий тип. Жену изнасиловали и задушили, а он пьесы пересказывает. У меня это просто в голове не укладывается.

Я сняла очки и начала массировать виски. Голова гудела, спина взмокла. Больше всего на свете хотелось забыться и заснуть. Однако я еще пыталась возражать Марино:

- Поймите, он актер. Слова – это его орудие труда. Художник на месте Петерсена нарисовал бы картину. Для Мэтта слова – все равно что краски и кисти для художника. Он так выражает себя, он иначе не умеет. Для людей вроде Петерсена говорить – значит думать.

Я надела очки и взглянула на Марино. Мои слова явно сбили его с толку, он даже покраснел.

- Допустим, а как насчет ножа? Ведь на лезвии отпечатки Петерсена. А сам он утверждает, что ножом пользовалась его жена, причем уже несколько месяцев. А на рукоятке «блестки» – такие же, как на Петерсоновых руках. Вдобавок нож был в комод, будто спрятан. Есть над чем подумать, не так ли, доктор Скарпетта?

- Что тут думать? Да, нож лежал на столе, а отпечатков миссис Петерсен на лезвии нет, потому что она использовала нож для вскрытия конвертов, и то редко. Зачем ей трогать лезвие? – Я так и представила Лори Петерсен, вскрывающую письмо здоровенным ножом. – Раз нож лежал на видном месте, ничего удивительного, что убийца его заметил. Он вполне мог вынуть нож из ножен. Убийца мог даже запугивать им жертву.

- Пугать?

- А почему бы и нет?

Марино передернул плечами. Я продолжала:

- Он ведь маньяк. Откуда нам знать, что на уме у маньяка? Может, он любит разговаривать с жертвами. Может, он спрашивал миссис Петерсен, чей это нож. Она конечно же отвечала – в этом я даже не сомневаюсь. Убийца узнал, что нож принадлежит ее мужу, и рассудил примерно так: «Вот и славно. Поиграю ножичком и спрячу его в комод – копы ведь любят все перевернуть вверх дном, наверняка и нож найдут». Не исключено, что маньяк вообще не думал о ноже – просто отрезал им провода. Вы хотите сказать, что маньяк не идиот – у него

должен был быть собственный нож? Отвечаю: нож Петерсена показался ему более подходящим. Забирать его с собой убийца не стал, запихнул в комод, будто так и было, – вот и все объяснение, и нечего заморачиваться.

– А может, все это сделал сам Петерсен? – Марино продолжал гнуть свое.

– Ну уж нет, только не он. Вы когда-нибудь видели мужа, который прежде, чем убить жену, связывает ее и насилует? Да еще перебивает ей пальцы, ребра ломает, душит со вкусом? Любой психолог вам скажет, что человек, будь он хоть трижды маньяк, может так поступить лишь с незнакомой женщиной, которую он видит в первый раз, но никак не с той, с которой он спит в одной постели, ест за одним столом, каждый день разговаривает. И потом, как же быть с тремя предыдущими убийствами?

Однако доблестный детектив успел отработать и эту версию.

– А вот как. Все убийства были совершены в ночь с пятницы на субботу, верно? Петерсен как раз в это время возвращается из Шарлотсвилла. Возможно, жена заподозрила его, и ему пришлось ее убить. Петерсен изнасиловал и связал ее, чтобы убийство походило на предыдущие и чтобы мы подумали, будто и Лори тоже маньяк замочил. А может, Петерсен – извращенец, он давно уже хотел сделать такое со своей женой и убил трех женщин только для отвода глаз. Так сказать, «три Лии – ради одной Рахили»[5 - Цитата из романа английского писателя Томаса Гарди (1840–1928) «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».], хе-хе.

– Да, Агата Кристи отдыхает... Но, как вам, возможно, известно, сержант, в жизни все гораздо проще, чем в детективных романах. Один человек убивает другого, предварительно изучив привычки жертвы, лишь для того, чтобы вернее нанести удар. – Я встала, давая Марино понять, что разговор окончен.

Сержант тоже поднялся.

– В жизни, многоуважаемая доктор Скарпетта, на телах жертв обычно не обнаруживается странное вещество – такое же, как на руках мужа, который нашел тело жены и до приезда полиции успел измазать весь дом этими чертовыми «блестками». В жизни, доктор Скарпетта, у жертвы обычно муж не такой красавчик, не играет в театре и не пишет диссертацию о сексе, насилии, каннибализме, наручниках, удавках и так далее.

- А помните, - вкрадчивым голосом проговорила я, - Мэтт говорил о странном запахе. Вы ведь приехали раньше меня - вы ничего такого не заметили?

- Нет, - отвечал Марино, - ни черта я не унюхал. Может, это просто спермой воняло, если, конечно, Петерсен не врет.

- Думаю, запах спермы не привел бы Петерсена в замешательство.

- Но он же не ожидал такого поворота событий. Неудивительно, что он сразу не распознал этот запах. Вот я, например, когда вошел в спальню, ничего похожего не заметил.

- А в трех предыдущих случаях вы тоже ничего не чувствовали?

- Ровным счетом ничего. И это только лишний раз подтверждает, что Петерсену либо приглючился этот чертов запах, либо он его выдумал, чтоб запутать следствие.

- Так ведь во всех случаях, кроме последнего, жертву находили только на следующий день после убийства, то есть через двенадцать часов.

Марино остановился в дверях.

- Вы, значит, настаиваете на том, что Петерсен явился домой сразу после того, как маньяк скрылся с места преступления, и на том, что у этого маньяка какой-то специфический запах пота?

- Не настаиваю, а предполагаю.

Марино усмехнулся и вышел. Я проводила его взглядом. А в коридоре довольно долго отзывалось весьма отчетливое эхо:

- Вот чертова баба!..

Мне было необходимо развеяться, и универмаг на Шестой улице, огромный, весь из стали и стекла, залитый солнцем, вполне подходил для этого. Он располагался в самом центре города, по соседству с огромным количеством банков. Я редко обедала вне дома, и уж тем более сегодня не было времени на подобные излишества, но три трупа за одно утро – две внезапные смерти и одно самоубийство – совершенно выбили меня из колеи. Поэтому я все же решила перекусить в каком-нибудь приятном месте, даже несмотря на деловую встречу, которая должна была состояться через каких-то сорок минут.

Марино меня достал. Его ухмылки, взгляды, бурчание под нос и якобы безадресные реплики слишком живо напоминали обстановку в медицинском университете, в котором я имела удовольствие учиться.

У нас на курсе, кроме меня, было только три девушки. И поначалу я, по своей наивности, не понимала, что происходит. Но постепенно до меня дошло: внезапное желание одногруппников передвинуться на стульях и загородить проход именно в тот момент, когда профессор называл мою фамилию, отнюдь не было совпадением; тот факт, что разработки и распечатки, курсировавшие по кампусу, никогда не попадали ко мне, также не был простой случайностью. Если я пропускала лекцию (всегда по более чем уважительной причине), одолжить у кого-нибудь тетрадь было просто невозможно. Ответы сокурсников на мои просьбы не отличались разнообразием: «Ты не поймешь мой почерк» да «Я уже отдал тетрадь... Только не помню кому». Я чувствовала себя мухой, попавшей в паутину «мужской солидарности» – и это «попадание» оказалось единственным возможным для меня видом взаимоотношений с сильным полом.

Изоляция – самое жестокое наказание. Я никогда не могла понять, почему меня считают «человеком второго сорта» только из-за того, что я родилась женщиной. Одна из моих сокурсниц в конце концов вынуждена была бросить университет, другая пережила нервный срыв. Я решила не сдаваться и из кожи вон лезла, чтобы учиться лучше всех – ведь только так я могла одержать победу над этими шовинистами.

Мне казалось, что студенческие страдания позади, но тут появился Марино... А из-за маньяка я чувствовала себя особенно уязвимой – ведь я, женщина, постоянно подвергалась опасности, в то время как Марино и иже с ним могли

спать спокойно. Причем сержант, кажется, уже все решил насчет Мэтта Петерсена. Да и насчет меня тоже.

Прогулка оказалась приятной – солнце светило так ярко и так радостно играло на стеклах пронесившихся автомобилей, будто подмигивало, что я даже немного успокоилась. Двойные двери универмага оставили открытыми, и свежий воздух свободно проникал в помещение. В кафе, как я и предполагала, яблоку было негде упасть. Стоя в очереди за салатом, я рассматривала людей. В основном сюда приходили парами, и поэтому одинокие женщины (непрерменно в дорогих деловых костюмах) сразу бросались в глаза – они с серьезными, озабоченными лицами потягивали диетическую колу или без аппетита жевали бутерброды с бездрожжевым хлебом.

Как знать – быть может, маньяк выбирает жертв именно в таких людных местах? Может, он тут работает на раздаче салатов, и четырех убитых женщин связывало только одно – кассовые чеки из кафе.

Только одна нестыковка – убитые женщины жили и работали в разных районах города. Значит, они делали покупки, обедали в ресторанах и оплачивали банковские счета там, где поближе. Ричмонд – большой город, и во всех его четырех районах есть собственные супермаркеты, рестораны и все остальное. Ясно, что человек, живущий на севере Ричмонда, не потащится за покупками на юг, и наоборот. Лично я выезжаю за пределы своего западного района исключительно на работу.

Женщина, которая приняла мой заказ на греческий салат, на мгновение задержала на мне взгляд, как будто узнала. Наверняка видела мою фотографию в субботней газете, а может, и по телевизору – местный канал имеет дурную привычку несколько раз в неделю прокручивать криминальную хронику. В любом случае мне стало не по себе.

Я всегда хотела затеряться в толпе, раствориться. Но по ряду причин это у меня никогда не получалось. Ведь в Штатах женщин-судмедэкспертов раз-два и обчелся, и репортеры не упускают ни единого случая снять меня для новостей. Вдобавок они не скупятся на эпитеты. Как только меня не называли в газетах – я и «заметная», и «блондинка», и «привлекательная». Мои предки с севера Италии – там сохранилась народность, родственная савоярам, швейцарцам и австрийцам – люди со светлыми волосами и голубыми глазами.

Семья Скарпетта всегда боролась за чистоту крови – мои предки вступали в браки исключительно с жителями Северной Италии. Моя мама не может пережить, что у нее нет сыновей, потому что дочери, по ее глубокому и скорбному убеждению (многократно озвученному), являются генетическими тупиками. Дороти испортила благородную кровь Скарпетт, произведя на свет Люси (отец моей племянницы был мексиканец), а мне, в моем-то возрасте и с моим семейным положением (точнее, отсутствием такового), кажется, даже этот постыдный поступок совершить уже не грозит.

Практически ни один выходной, который я провожу с мамой, не обходится без ее слез: мама оплакивает несуществующих многочисленных внуков. «Подумать только, на нас прервется род Скарпетта! Стыд-то какой! А ведь у нас кровь, можно сказать, голубая! В нашем роду были архитекторы, художники, мы в родстве с самим Данте! Кей, Кей, как ты можешь быть такой безответственной перед своей семьей! О, почему Пресвятая Дева на дала мне сына!» – и так далее в том же духе.

Мама утверждает, что первые упоминания о Скарпеттах появились в Вероне, городе Ромео и Джульетты, Данте, Пизано, Тициана, Беллини и Паоло Кальяри, причем она уверена, что мы состоим в родстве с этими выдающимися историческими личностями. Я пытаюсь ее урезонить, напоминая, что Беллини, Пизано и Тициан, хоть и оказали огромное влияние на веронскую школу живописи, родились в Венеции; Данте же родом из Флоренции, откуда был изгнан после того, как к власти пришли черные гвельфы[б - Во Флоренции одна из двух «партий», на которые в XIV в. распалась «партия» гвельфы. Черные гвельфы объединили дворянские элементы (в то время как белые гвельфы сгруппировали богатых горожан).]. Ему пришлось скитаться по всей Италии и он всего-навсего заехал в Верону по пути в Равенну. Я уже не говорю о Ромео и Джульетте. Наши прямые предки пахали землю и работали на железной дороге – два поколения назад они иммигрировали в США вовсе не от хорошей жизни.

Я поправила на плече ремешок белой сумочки и вышла из универмага. Как славно, как тепло было на улице! Приближалось время обеденного перерыва, и народ из офисов так и валил в рестораны и кафе. Я ждала, когда загорится зеленый свет, и вдруг что-то заставило меня обернуться. Из китайского ресторана выходили двое мужчин. Знакомый профиль, светлые, редкого оттенка волосы – конечно, один из них был не кто иной, как Билл Болц, прокурор штата. Он небрежным жестом надевал солнечные очки, не прерывая беседы

с Норманом Таннером, ответственным за общественную безопасность в Ричмонде. Болц на несколько секунд задержал на мне взгляд, но не ответил на мой приветственный жест. Может, не узнал? Через минуту Болц и Таннер растворились в толпе.

Зеленый все не загорался. Наконец у светофора проснулась совесть, и я смогла перейти на другую сторону улицы. Поравнявшись с магазином компьютеров, я вспомнила о Люси. В магазине нашлось кое-что интересное для нее – не какая-нибудь «стрелялка», а учебное пособие по истории, с репродукциями, биографиями художников и музыкантов и с тестами. Вчера мы с Люси взяли напрокат катамаран и вдоволь наплавались по небольшому озеру в парке. Люси, подрулив к фонтану, устроила мне настоящий душ, я тоже не осталась в долгу – в общем, мы обе основательно промокли. Потом мы купили булочек и стали кормить гусей, а потом до посинения языков ели виноградное мороженое. В четверг утром Люси должна улететь обратно в Майами, и я не увижу девочку до самого Рождества – если, конечно, вообще увижу ее в этом году.

В пятнадцать минут второго я вошла в приемную главного офиса отдела судмедэкспертизы. Бентон Уэсли опередил меня – он уже читал «Уолл-стрит джорнэл», усевшись на кушетку.

– Надеюсь, у тебя в сумочке найдется бутылочка чего-нибудь эдакого, – оживился он при моем появлении. Он сложил газету и потянулся к своему портфелю.

– А как же. Специально для тебя припасла винный уксус.

– Не обращай внимания. Порой мне бывает так паршиво, что я себе представляю, будто в нашем кулере вместо воды – чистейший джин.

– Такое воображение достойно лучшего применения.

– Видишь ли, это единственная из моих фантазий, которую я осмеливаюсь озвучить в присутствии дамы.

Уэсли служил в ФБР – отвечал за работу с подозреваемыми. Его кабинет располагался в другом здании, но там он практически не появлялся. В свободное от разъездов время он преподавал – читал в Национальной академии в Квантико

курс по расследованию убийств. Кроме того, он делал все, что мог, чтобы программа немедленного задержания особо опасных преступников не канула в Лету, едва вступив в силу. Одним из нововведений этой программы было создание региональных команд, которые должны были стать промежуточным звеном между главным прокурором и опытными детективами. Уэсли позвонили из полицейского управления Ричмонда после того, как была найдена вторая женщина с удавкой на шее. Марино же совмещал обязанности сержанта полиции и представителя региональной команды, то есть был партнером Уэсли.

– Я пришел пораньше, – оправдывался Бентон уже в коридоре, – потому что прямо от стоматолога. Но ты можешь есть в моем присутствии, меня это не смутит.

– Думаешь, мне кусок в горло ползет?

Свой бессмысленный взгляд Уэсли подкрепил дурацкой ухмылкой.

– Извини. Я забыл, что ты не доктор Кэгни. Он, видишь ли, всегда держит на столе в анатомичке пакет сырных крекеров, и прямо там устраивает перекус. Вот ему кусок в горло лезет в любой обстановке.

Мы вошли в крохотную комнатку, где стояли холодильник, автомат по продаже кока-колы и кофемашина.

– Просто удивительно, как Кэгни до сих пор не подцепил гепатит или СПИД, – заметила я.

– СПИД был бы в самый раз, – засмеялся Уэсли.

Доктор Кэгни, как большинство старых циников, слыл убежденным гомофобом. «Опять педераст, мать его», – ругался он, когда на экспертизу доставляли труп человека, при жизни придерживавшегося соответствующей ориентации.

Я спрятала салат в холодильник. Уэсли продолжал развивать свою мысль:

– Хорош был бы Кэгни, если б подцепил СПИД. Доказывал бы тогда, что он не верблюду.

При первой встрече Уэсли мне не понравился – уж слишком его внешность и повадки соответствовали образу агента ФБР, а я на тот момент имела собственные предубеждения против этих людей. Правильные, несколько резкие черты лица Уэсли, ранняя благородная седина, предполагавшая, что в молодости волосы у него были темные, поджарая фигура неизбежно вызывали ассоциации с определенным типажом из крупнобюджетных боевиков. Уэсли носил дорогие туфли, безупречные костюмы цвета хаки, синие шелковые галстуки с вычурным узором и непременно белые накрахмаленные рубашки. Я никогда не видела его небрежно одетым.

Уэсли имел степень по психологии. Раньше он был ректором высшей школы в Далласе. В Бюро Уэсли начинал региональным агентом, потом внедрился в группировку взяточников, затем его перевели сюда. Теперь Уэсли работает с подозреваемыми. Кого попало в этот отдел не возьмут – человек должен иметь аналитический ум. Мне даже кажется, что одного аналитического ума недостаточно – необходимы паранормальные способности. В общем, сейчас у меня с Уэсли дружеские отношения.

Мы налили себе по стаканчику кофе и, пройдя по коридору и повернув налево, оказались в конференц-зале. Марино, к моему немалому удивлению, уже явился и теперь, сидя за длинным столом, разбирал документы, которые принес с собой в толстом портфеле.

Не успела я выдвинуть стул, как Марино пошел в наступление.

– Заскочил сегодня в отдел серологии[7 - Серология (от лат. serum – сыворотка) – наука о свойствах сыворотки крови.]. Думаю, вам интересно будет узнать, что у Мэтта Петерсена первая группа крови и нет антигенов в слюне и сперме.

Уэсли посмотрел Марино прямо в глаза:

– Это вы о муже последней жертвы?

– Конечно. У него нет антигенов в слюне и сперме. И у маньяка их тоже нет.

– Вообще-то антигенов нет у двадцати процентов населения, – холодно заметила я.

– Знаю, знаю. У двух из десяти, – отвечал Марино.

– А это приблизительно сорок четыре тысячи человек в таком городе, как Ричмонд. Если учесть, что половина из них женщины, остается двадцать две тысячи, – продолжала я.

Марино, одарив меня неприязненным взглядом, щелкнул зажигалкой.

– Знаете что, доктор Скарпетта? – произнес он медленно, растягивая слова и не вынимая сигарету изо рта. – Вы сейчас говорите, как последний продажный адвокат.

Через полчаса мы с Уэсли и Марино (я – во главе стола, мужчины по бокам) рассматривали фотографии четырех убитых женщин.

Самая сложная (и занимающая уйму времени) работа – определение внешнего вида, социального положения и возраста убийцы. Затем ищут общие черты у всех его жертв и снова высказывают предположения относительно характеристик преступника.

Уэсли взялся описать убийцу. Это был его конек: никто лучше Уэсли не мог обрисовать психологический портрет маньяка и охарактеризовать его эмоции во время совершения убийства. Во всех четырех случаях маньяк действовал в соответствии с предварительно составленным планом. Он избивал, насиловал и душил хладнокровно, спокойно, методично.

– Думаю, убийца – белый, но голову на отсечение не дам. Сесиль Тайлер была темнокожая, а маньяки, как правило, предпочитают насиловать женщин своей расы, если только у них нет навязчивой идеи «отомстить» представителям другой расы. – Уэсли взял фотографию Сесиль Тайлер, очень хорошенькой секретарши, работавшей в инвестиционной компании на севере Ричмонда. Как и Лори Петерсен, она была связана и задушена. – В последнее время мы часто сталкиваемся с такой формой извращения, – продолжал Уэсли. – Однако тут есть одна загвоздка: черные мужчины насиловали белых женщин, но белые мужчины не насиловали черных женщин. Проститутки не в счет. – Он со вздохом окинул взглядом фотографии жертв. – Эти женщины не были проститутками. В противном случае, – пробормотал фэбээровец, – наша работа была бы полегче.

– Чего не скажешь об их работе, – хмыкнул Марино.

Уэсли не отреагировал.

– Тогда мы, по крайней мере, могли бы провести определенную параллель. А так я просто ничего не понимаю. По какому принципу он выбирает жертвы?

– А что по этому поводу сказал Фортосис? – спросил Марино, имея в виду психиатра, доктора судебной медицины.

– Да ничего определенного, – отозвался Уэсли. – Я с ним разговаривал сегодня утром. Он отвечал очень уклончиво. Видимо, убийство доктора Лори Петерсен заставило его пересмотреть кое-какие прежние версии. Но он по-прежнему уверен, что маньяк – белый.

Перед моим мысленным взором появилось белое расплывчатое лицо из ночного кошмара.

– Ему от двадцати пяти до тридцати пяти лет, – продолжал Уэсли, неотрывно глядя в хрустальный шар, украшавший стол. – Так как убийства происходили в разных районах города, маньяк наверняка передвигается на автомобиле – именно на автомобиле, а не на мотоцикле, грузовике или в фургоне. Думаю, он оставляет машину где-нибудь в темном переулке и дальше идет пешком. Машина у него старой модели, возможно, отечественного производства, темная, бежевая или серая – в общем, неприметная. Очень может быть, что его автомобиль похож на те, на которых ездят полицейские, когда не хотят привлекать к себе внимание.

Уэсли и не думал шутить. Бывают такие отморозки: они интересуются работой полиции и словно бросают полицейским вызов. Обычное поведение обиженного психопата, которого не взяли на службу в полицейский участок. Классика жанра. Такой тип прикончит человека, спрячет тело где-нибудь в лесу, а потом будет проявлять подозрительное рвение, оказывая всяческое содействие полиции. Он даже может стать своим в полицейском участке и попивать пиво с копами, свободными от дежурства.

Примерно один процент населения – психопаты. Но наличие соответствующего гена говорит лишь о том, что такой человек способен стать хорошим руководителем. Данное генетическое отклонение при хорошем раскладе делает из человека тайного агента, героя войны, генерала, миллиардера или Джеймса Бонда, а при плохом – Нерона, Гитлера или Джека Потрошителя. Это уже асоциальные элементы, хотя с медицинской точки зрения такие граждане вполне вменяемы. Они совершают зверские убийства, но не чувствуют при этом раскаяния.

– Преступник – этакий одинокий волк, – строил Уэсли свою теорию. – Ему трудно близко сходить с людьми, хотя окружающим он кажется приятным, а иногда и обаятельным парнем. Ни друзей, ни постоянной женщины у него нет. Он может подцепить девушку в баре, провести с ней ночь – но ему это не доставляет особенного удовольствия. Обычный секс кажется ему примитивным, не приносит удовлетворения.

– Как я его понимаю! – не преминул съязвить Марино.

Уэсли развивал свою мысль:

– Гораздо больше его возбуждает жесткое порно, детективы, соответствующие журнальчики. Возможно, сначала он только предавался извращенным сексуальным фантазиям и лишь потом стал воплощать их в жизнь. Не исключено, что он любит подглядывать, смотреть в чужие окна, наблюдать за одинокими женщинами. Дальше – больше. Он начинает насиловать. Постепенно к изнасилованию добавляется избиение жертвы. Наконец он доходит до точки – изнасилование завершается убийством женщины. Убийства, в свою очередь, становятся раз от раза все более жестокими. И вот уже цель нападения на женщину – не изнасилование, а убийство. Изнасилование – лишь часть его плана. Скоро маньяку уже и убийства недостаточно. Он начинает методично издеваться над жертвами.

Уэсли потянулся за фотографиями Лори Петерсен (из-под рукава пиджака агента показался безупречный накрахмаленный манжет). Он долго, с непроницаемым лицом рассматривал снимки, затем положил их на место.

– Совершенно ясно, – сказал Уэсли, повернувшись ко мне, – что в случае с доктором Петерсен убийца применял настоящие пытки. Вы согласны?

– Абсолютно, – ответила я.

– Вы о переломанных пальцах? – Марино, кажется, решил втянуть нас в спор. – Это по части хулиганья. Сексуальные маньяки такими делами не занимаются. Доктор Петерсен играла на скрипке, ведь так? Значит, тот, кто ломал ей пальцы, об этом знал. Тут личные счеты, можете не сомневаться.

Я ответила как можно спокойнее:

– Сержант, у Лори Петерсен на столе лежали медицинские справочники, скрипка стояла на видном месте. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы получить представление о ее занятиях.

– Конечно, может быть, сломанные пальцы и ребра – результат борьбы жертвы с насильником, – предположил Уэсли.

– Нет, это исключено, – отрезала я. – Никакой борьбы не было. Почему вы решили, что они дрались?

Марино смерил меня неприязненным взглядом своих карих глазок.

– По-вашему, синяки и ссадины – не доказательства того, что жертва защищалась? Очень любопытно. А что тогда является доказательством?

– Хотите, чтобы я их перечислила? Пожалуйста. – Я выдержала взгляд Марино. – Сломанные ногти – раз. Ссадины и другие повреждения на руках, как если бы жертва заслонялась от ударов – два. Достаточно? У Лори Петерсен ничего подобного не обнаружено.

– Таким образом, мы пришли к выводу, что на этот раз преступник был особенно жесток, – подытожил Уэсли.

– Да что там жесток – он просто садюга, – поспешно произнес Марино, словно боясь, что это за него скажем мы с Уэсли. – А что я всю дорогу пытаюсь втолковать – убийство Лори Петерсен отличается от трех предыдущих.

Я чуть не взорвалась, но все-таки сдержалась. Три женщины были связаны, изнасилованы и задушены. Это что, не проявление садизма? Надо было и им пальцы переломать, тогда бы Марино остался доволен?

- Можете не сомневаться: с пятой жертвой маньяк поступит еще более жестоко, - мрачно предрек Уэсли. - Там точно не обойдется без пыток. Преступник убивает, потому что не может не убивать. Для него это как наркотик: чем больше он мучает своих жертв, тем больше ему хочется их мучить. Но каждое новое убийство приносит ему все меньше удовлетворения, что конечно же злит его и толкает на поиски очередной жертвы. Маньяк как будто становится менее восприимчивым, и для удовлетворения ему надо каждый раз придумывать что-нибудь новенькое. Только удовлетворение, даже от самого жестокого убийства, проходит, и с каждым разом все быстрее. Напряжение убийцы нарастает день ото дня, и он вынужден искать новую жертву. Промежутки времени между убийствами становятся все короче. Не исключено, что скоро он перестанет насиловать, а будет только убивать - так Банди делал, помните?

Да, есть о чем подумать. Первая женщина была убита 19 апреля, вторая - 10 мая, третья - 31 мая. Лори Петерсен погибла 7 июня - то есть между двумя последними убийствами прошла всего неделя.

То, что еще поведал нам Уэсли, я знала и без него: убийца происходит из неблагополучной семьи, в детстве подвергался унижениям, либо физическим, либо моральным, со стороны матери. На жертвах он вымещал злобу, накопившуюся у него против матери и необъяснимым образом связанную с сексуальным влечением.

Интеллект преступника, по мнению Уэсли, выше среднего уровня. У маньяка есть навязчивые идеи, он отличается одержимостью и невероятной педантичностью. У него наверняка свои заморочки и фобии - например, он очень следит за своим внешним видом или у него мания чистоты, а может, он строго придерживается какой-то определенной (и вряд ли действительно необходимой для здоровья) диеты. В общем, преступник всеми способами стремится упорядочить свою жизнь, и это дает ему ощущение, что он все держит под контролем.

Работает он где-нибудь на производстве или в автосервисе, то есть занимается механическим трудом.

Лицо Марино постепенно краснело и к тому моменту, когда Уэсли дошел до места работы преступника, стало совсем багровым. Он беспокойно оглядывался.

– Для маньяка, – продолжал Уэсли, – самое приятное – процесс планирования убийства. Он предается сексуальным фантазиям и разрабатывает план. Убийство как таковое – просто неизбежный элемент этого плана. Как, по-вашему, при каких обстоятельствах он впервые видит свою жертву?

Хотела бы я знать! Но и сами женщины, останься они в живых, не смогли бы сказать ничего определенного. Разве можно идентифицировать тень, мелькнувшую на границе поля зрения? Однако где-то ведь преступник встречал своих жертв. Может быть, он намечал очередную свою жертву в супермаркете или в автомобиле, остановившемся на светофоре.

– Что именно его возбуждало в каждой конкретной женщине? – Уэсли снова задал риторический вопрос.

И снова мы не знали ответа. У погибших женщин не было ничего общего, кроме того обстоятельства, что каждая из них становилась легкой добычей, потому что жила одна или, как в случае с Лори Петерсен, преступник полагал, что женщина живет одна.

Тут вмешался Марино:

– Вас послушать, так преступник – этакий работяга.

Мы с Уэсли опешили.

Страхнув пепел, Марино всей своей грузной фигурой навис надо мной.

– Это у вас гладко звучит. Но я, знаете ли, не девочка Элли, которая шагает по дороге из желтого кирпича[8 - Имеется в виду главная героиня сказочной повести Ф. Л. Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз»]. Ведь не все такие пути ведут в Изумрудный город, не так ли? Сантехник, говорите? А вспомните-ка Теда Банди. Он был студентом, причем учился на юриста. А насильник, что орудовал в округе Колумбия? Кем он работал? Зубным врачом. А наш маньяк может оказаться хоть бойскаутом.

Марино тупо и упорно проталкивал свою версию. Я уже знала, что он скажет в следующий момент.

– Я к чему клоню: этот тип может быть студентом. Или даже актером, которого профессия обязывает иметь богатое воображение. Все убийства на сексуальной почве похожи, независимо от того, кто их совершает, если, конечно, маньяк не пьет кровь и не жарит жертву на вертеле. И если хотите знать, почему такие убийства, за редким исключением, похожи друг на друга, пожалуйста: потому что все люди одинаковые. И врач, и судья, и индейский вождь. Если они одержимы какой-то идеей, то они думают и действуют одинаково. Ничего не изменилось со времен, когда неандертальцы за волосы утаскивали своих женщин в темный лес.

Уэсли сначала долго смотрел на Марино, потом спросил как можно мягче:

– Пит, вы в самом деле так думаете?

– Я вам сейчас скажу, что я думаю! – Сержант сжал челюсти, на шее у него выступили вены. – Меня достали эти домыслы насчет характеристик убийцы. Меня от них уже тошнит. Я знаю только одно: есть тип, который пишет леденящую кровь диссертацию о сексе, насилии и каннибализме. Мало того что он сам по себе странный, так у него на руках обнаружены «блестки» – такое же вещество, как на телах всех четырех жертв. Его отпечатки найдены на теле его жены; в комоде у него нож – а на ноже тоже «блестки». Плюс ко всему, гаденыш каждую неделю возвращается домой в ночь с пятницы на субботу именно в то время, когда совершаются убийства. Но нет, по-вашему выходит, он невиновен. А все почему? Потому, что он, видите ли, не «синий воротничок». Он слишком утонченный для убийцы.

Уэсли в замешательстве уставился на Марино. Я смотрела на фотографии мертвых женщин, разложенные на столе, которым и в самых страшных снах не снилось, что с ними может такое произойти.

– Вам нужны еще доказательства? Пожалуйста. – Ого, тирада Марино, оказывается, не закончилась. – Все дело в том, что миляга Мэтт далеко не такой белый и пушистый, как некоторым хотелось бы думать. Я сегодня, пока дожидался результатов в серологии, позвонил Вандеру. Хотел узнать, откуда в картотеке отпечатки Петерсена. И как вы думаете, откуда? – Вопрос относился

ко мне. – А я вам скажу. Вандер через своих ребят все выяснил. Ваш красавчик Мэтт шесть лет назад был арестован в Новом Орлеане. Это случилось как раз в то лето, когда он поступал в университет, задолго до того, как он встретил свою докторшу. Она, бедняжка, небось так об этом и не узнала.

– О чем об этом? – спросил Уэсли.

– О том, что ее муженька-актера обвиняли в изнасиловании, вот о чем.

Повисла бесконечная пауза.

Уэсли крутил на столе шариковую ручку и играл желваками. Марино действовал не по правилам. Ему следовало сразу нам все рассказать, а не выдавать информацию, как козырную карту. Мы с Уэсли чувствовали себя проигравшей стороной в суде.

Наконец я произнесла:

– Раз Петерсена обвиняли в изнасиловании, но не осудили, значит, его оправдали.

Надо было видеть, каким взглядом смерил меня Марино – под дулом пистолета я, наверное, и то почувствовала бы себя спокойнее.

– Я ведь еще не закончил изучать его прошлое, – сказал Марино.

– Сержант, к вашему сведению, в такие престижные учебные заведения, как Гарвард, не принимают уголовников.

– А вдруг они не знали? – не сдавался детектив.

– Они могли не знать только в одном случае – если обвинение с Петерсена было снято.

– Мы это проверим, – проговорил Уэсли, чтобы как-то разрядить обстановку.

Марино извинился и поспешно вышел. Не иначе в туалет побежал.

Уэсли и бровью не повел, будто поведение Марино было абсолютно нормальным. Он только спросил как будто невзначай:

- Кей, какие новости из Нью-Йорка? Результаты исследований готовы?

- Определение ДНК требует времени, - рассеянно ответила я. - До второго убийства мы ничего не посылали в лабораторию. Скоро результаты по первым двум убийствам будут у меня на руках. Что касается Сесиль Тайлер и Лори Петерсен, анализы будут готовы не раньше июля.

Уэсли одобрительно кивнул.

- Мы пока знаем только, что во всех четырех случаях убийца - человек, у которого антигены не обнаруживаются.

- Да, больше нам ничего не известно.

- Не сомневаюсь, что все убийства совершены одним человеком.

- Совершенно с тобой согласна.

Мы молча ждали Марино. Его голос все еще звучал в моих ушах, я вся взмокла, сердце колотилось.

Уэсли, должно быть, прочитал мои мысли относительно Марино и понял, что я уже окончательно причислила доблестного сержанта к разряду неприятных и опасных в своем служебном рвении людей, с которыми невозможно работать, потому что он вдруг нарушил тишину:

- Кей, ты должна его понять.

- Как хочешь, Бентон, но это выше моих сил.

- Он хороший следователь. Один из лучших.

Я не ответила.

Снова повисло молчание.

Мое раздражение все росло и наконец вырвалось наружу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/patrisiya-kornuell/vskrytie-pokazalo/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Аллюзия на американскую комедию с элементами фантастики «День сурка» (1993 г., реж. Г. Рэмис; в гл. ролях – Билл Мюррэй и Энди Макдауэлл), где все события Дня сурка (2 февраля) повторяются раз за разом, и кажется, что следующий день, 3 февраля, не наступит никогда. (Здесь и далее, за

исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

Персонаж пьесы Т. Уильямса «Трамвай “Желание”».

3

Пьеса Т. Уильямса.

4

Трумен Гарсия Капоте (1924–1984) – американский писатель-прозаик.

5

Цитата из романа английского писателя Томаса Гарди (1840–1928) «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».

6

Во Флоренции одна из двух «партий», на которые в XIV в. распалась «партия» гвельфы. Черные гвельфы объединили дворянские элементы (в то время как белые гвельфы сгруппировали богатых горожан).

7

Серология (от лат. serum – сыворотка) – наука о свойствах сыворотки крови.

8

Имеется в виду главная героиня сказочной повести Ф. Л. Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/patrisiya-kornuell/vskrytie-pokazalo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)